

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

**ХАРЛАН
КОБЕН**

ЕДИНОЖДЫ СОЛГАВ

**Впервые
на русском!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Еще совсем недавно у капитана военно-воздушных сил Майи Штерн было все: дело жизни, любимый муж, маленькая дочка и обожаемая старшая сестра. Однако в какой-то момент благополучие начинает рушиться как карточный домик: армейскую службу приходится оставить из-за одной-единственной роковой ошибки, ставшей причиной международного скандала, сестру зверски убивают при невыясненных обстоятельствах, а всего несколько месяцев спустя гибнет и муж, наследник богатого семейства и баловень фортуны. Теперь Майя в одиночку пытается распутать клубок событий, приведших к краху ее жизни. Однако ее расследование, кажется, порождает еще больше загадок. А может, никто не виноват и это просто сама смерть следует за капитаном Штерн по пятам? Чтобы найти ответ, Майя должна наконец раскрыть тайну своего прошлого...

Харлан Кобен

Единожды солгав

*Посвящается Шарлотте: не важно, сколько тебе лет, ты
всегда будешь моей маленькой девочкой*

Хоронили Джо три дня спустя после того, как он был убит.

Майя была в черном, как и подобает убитой горем вдове. Солнце немилосердно палило с небес, воскрешая в ее памяти месяцы, проведенные в пустыне. Местный священник бубнил полагающиеся слова, но Майя не слушала. Ее рассеянный взгляд был устремлен на школьный двор на противоположной стороне улицы.

Ну да, кладбище располагалось прямо через дорогу от начальной школы.

Сколько раз Майя проезжала по этой дороге, между кладбищем слева и начальной школой справа, и никогда прежде ей даже не приходило в голову, что такое соседство по меньшей мере странно, чтобы не сказать – неприемлемо. Интересно, что появилось сначала? Кому вообще взбрело в голову построить школу в непосредственной близости от кладбища – ну или наоборот? А может, вообще не стоит противопоставлять друг другу конец жизни и ее начало, потому что в них нет никакого противоречия? Смерть всегда так близко, буквально на волосок от тебя, и, возможно, имеет смысл с самого раннего возраста знакомить детей с этой стороной бытия.

Эти бессвязные мысли крутились у Майи в голове, пока она смотрела, как гроб с телом Джо опускается в землю. Только не думать. Главное – не думать. Это нужно просто пережить.

Кожа под траурным платьем нестерпимо чесалась. За последние десять лет Майе довелось присутствовать на сотне, если не больше, похорон, но никогда прежде не требовалось быть в черном. Она терпеть не могла черный цвет.

Справа от Майи изнемогали от неподдельного горя пополам с убийственной жарой ближайшие родственники Джо: мать Джудит, брат Нил и сестра Каролина. Слева, уже с трудом сдерживая нетерпение и то и дело дергая мать за руку, маялась их с Джо двухлетняя дочь Лили. В родительской среде бытует расхожее выражение «жаль, к детям не прилагается инструкция по эксплуатации». Сегодня Майя была готова подписаться под этим обеими руками. Как полагается вести себя в подобной ситуации? Оставить двухлетнюю дочку дома – или взять ее с собой на похороны отца? На мамско-детских сайтах с универсальными рецептами на все случаи жизни подобные проблемы отчего-то не освещались. В приступе бессильного гнева Майя едва удержалась, чтобы не задать этот вопрос на одном из интернет-форумов: «Всем привет! Моего мужа пару дней назад убили. Как думаете, вести нашу двухлетнюю дочку на кладбище или оставить дома? А если вести, то как одевать? Заранее спасибо!»

Проводить Джо в последний путь пришли сотни людей, и у Майи промелькнула абсурдная мысль, что муж был бы доволен. Джо любил людей. А они – его. Но разумеется, столпотворение объяснялось не только его популярностью. Сладкое и зловещее ощущение причастности к трагедии – вот что привело сюда толпы скорбящих. Мужчина в расцвете лет, хладнокровно застреленный среди бела дня, к тому же не простой смертный, а баловень судьбы, отпрыск состоятельного семейства Беркетт, а в добавок к этому еще и женатый на даме, замешанной в международном скандале.

Лили обеими ручонками обхватила ногу матери.

– Уже недолго, потерпи, солнышко, – склонившись к ней, прошептала Майя.

Лили кивнула, но лишь крепче стиснула руки.

Майя выпрямилась и разгладила ладонями колючее черное платье, одолженное у Эйлин. Джо не одобрил бы это платье. Он предпочитал видеть жену в военном мундире, который она носила в те дни, когда еще звалась капитаном Майей Штерн. Впервые увидев Майю на благотворительном балу, который давала его семья, Джо направился прямо к ней, облаченный в безукоризненно сидящий, с иголки, фрак. Он улыбнулся своей бесшабашной улыбкой – пожалуй, только тогда Майя по-настоящему поняла, что значит слово «бесшабашный», – и присвистнул:

– Ого! А я-то думал, что только парни в военной форме способны кружить головы.

Эта попытка подбить клинья вышла настолько неуклюжей, что Майя против воли расхохоталась – другого приглашения Джо не понадобилось. Господи, до чего же он был привлекателен! Даже теперь, стоя в этой давящей духоте в трех шагах от его гроба, Майя не смогла удержаться от улыбки при этом воспоминании. Не прошло и года, как Джо с Майей поженились. Вскоре на свет появилась малышка Лили. И вот теперь, словно чья-то злая рука включила на ускоренную перемотку пленку их совместной жизни – она хоронит мужа и отца своего единственного ребенка.

– Все истории любви заканчиваются трагически, – сказал много лет назад ее отец.

– Господи, папа, ну что за мрачный взгляд на мир, – покачала головой Майя.

– Ну, сама подумай: ты либо перестаешь любить человека, либо, если тебе повезло оказаться в числе счастливиц, переживаешь свою половинку.

Как наяву у Майи перед глазами встала кухонька в их бруклинской квартирке, пожелтевший стол, за которым ее отец в неизменной вязаной кофте, своего рода униформе его профессии, проверял студенческие сочинения. Отца с мамой давным-давно уже нет в живых, они умерли с разницей в несколько месяцев, но, по правде говоря, Майя до сих пор затруднялась сказать, к какой категории относилась их история любви.

А пастор все разливался и разливался, и Джудит Беркетт, мать Джо, стиснула руку Майи, ища поддержки в своем горе.

– Это еще ужасней! – вырвалось у нее.

Майя не стала уточнять, что та имела в виду. Это было излишне. Джудит Беркетт уже доводилось хоронить своих детей, теперь из троих ее сыновей в живых остался один. Еще один, предположительно, стал жертвой несчастного случая, другого убили. Майя взглянула на свое собственное дитя, на макушку маленькой Лили, и задалась вопросом, как может мать жить с такой болью.

Точно прочитав мысли невестки, пожилая женщина прошептала:

– Эта рана не заживает никогда. – Ее безыскусные слова точно серпом рассекли воздух. – Никогда...

– Это все я виновата, – вырвалось у Майи.

Произнесенное стало неожиданностью для нее самой. Джудит вскинула на нее глаза.

– Я должна была...

– Ты ничего не могла поделать, – отрезала Джудит.

И все же в ее тоне сквозила какая-то недосказанность. Майя уловила этот намек, потому что все остальные, скорее всего, думали то же самое. На счету у Майи Штерн было столько спасенных жизней. Так как же вышло, что она не смогла спасти собственного мужа?

– ...прах есть и в прах обратишься...

Господи, неужели пастор и в самом деле изрек эту банальщину или ей только почудилось? Майя не прислушивалась к его речи. Она никогда не прислушивалась к

погребальным речам. Слишком много смертей повидала она на своем веку, чтобы не понимать: чтобы пережить это, нужно отрешиться от всех чувств. От всего абстрагироваться. Не позволять звукам и зрительным образам проникать в мозг, пока они не превратятся в неразличимый фон.

Гроб с телом Джо опустился на дно могилы с глухим стуком, еще какое-то время не стихавшим в неподвижном воздухе. Джудит рядом с Майей пошатнулась и негромко простонала. Майя сохраняла армейскую выправку: голова высоко поднята, спина прямая, плечи расправлены. Не так давно на глаза ей попала одна псевдопсихологическая статейка из серии «помоги себе сам», которые все так любят пересылать друг другу по электронной почте. Речь в ней шла о так называемых позах силы, якобы помогающих добиться успеха. Так вот, в армии этот прием был широко известен задолго до расцвета популярной психологии. Солдаты стоят по стойке смирно вовсе не потому, что это красиво выглядит. Они делают так потому, что это либо придает тебе внутренних сил, либо, что ничуть не менее важно, заставляет тебя казаться сильнее в глазах как собственных товарищей, так и врагов.

На мгновение Майя вдруг перенеслась обратно в парк – блеск металла, треск выстрелов, Джо начинает падать, блузка Майи залита кровью, она бредет куда-то во тьме, огни уличных фонарей вдали сливаются в призрачную сияющую дымку...

«Помогите... пожалуйста... кто-нибудь... мой муж...»

Майя закрыла глаза и усилием воли отогнала эти воспоминания.

«Держи себя в руках, – приказала она себе. – Это нужно просто пережить».

И она это пережила.

А потом ей еще пришлось вместе с семьей Джо принимать соболезнования.

Примерно то же происходит и на свадьбах, только родные принимают от гостей не соболезнования, а поздравления. Наверное, в этом сходстве свадебных и похоронных традиций таится какой-то скрытый смысл, вот только от Майи он упорно ускользал.

Она давно потеряла счет людям, скорбной вереницей тянувшимся мимо нее, – казалось, это длится уже много часов подряд. Пришедшие проститься все шли и шли и никак не кончались, точь-в-точь как в фильме про зомби, где на месте одного убитого возникала армия новых, которые продолжали бездумно двигаться вперед.

Это нужно просто пережить.

Большинство ограничивалось негромким: «Соболезную вашей утрате», и это было ровно то, что нужно. Другие же были слишком многословны. Они пускались в разглагольствования о том, какая это огромная трагедия, какая невосполнимая утрата, как в городе становится невозможно жить и как они сами однажды чуть было не пали жертвой вооруженного ограбления, – правило номер один: выражая соболезнования, забудь местоимение «я», – как они надеются, что полиция поймает нелюдей, которые это сделали, как повезло Майе, и что, наверное, ее уберег сам Господь – судьба Джо Господа, видимо, заботила куда меньше, – и что пути Господни неисповедимы и ничто на свете не случается без причины. Удивительно, как она вообще удержалась и не дала им в морду.

В конце концов родные Джо устали и вынуждены были присесть. Но только не Майя. Она осталась стоять, не опуская глаз и приветствуя каждого подошедшего крепким рукопожатием. Тем же, кто порывался в знак сочувствия обнять или поцеловать ее, она твердо, но вежливо, а иногда и не вполне вежливо, давала понять, что это излишне. Даже если за их сочувственными словами не стояло ровным счетом ничего, Майя все равно

внимательно их выслушивала, кивала, притворно искренним тоном говорила: «Спасибо, что пришли» – и приветствовала следующего в очереди.

Существуют и другие непреложные правила для тех, кто желает выразить соболезнования родным и близким усопшего. Меньше слов. Чем банальность короче, тем похвальнее, потому что лучше уж оставить что-то невысказанным, нежели наговорить лишнего. Если вам все-таки непременно нужно высказаться, пусть это будет какое-нибудь короткое и хорошее воспоминание, связанное с покойным. А вот чего ни в коем случае делать не стоит, так это следовать примеру тетушки Джо, Эдит. Не надо истерически рыдать и устраивать демонстрацию собственных страданий. Равно как не стоит подходить к безутешной вдове и говорить ей что-то вроде: «Бедная девочка, сначала твоя сестра, а теперь еще и муж».

У Майи на миг потемнело в глазах, когда тетушка Эдит произнесла вслух то, что наверняка было у многих на уме, тем более что ее слова могли услышать стоявшие совсем рядом маленький племянник Майи, Дэниел, и племянница, Алекса, совсем крошка. Кровь застучала у Майи в ушах, и она с невероятным трудом удержалась, чтобы не вцепиться тетушке Эдит в горло и не вырвать ей голосовые связки.

Вместо этого Майя все тем же притворно-искренним тоном произнесла:
– Спасибо, что пришли.

Шестеро бывших однополчан Майи, включая Шейна, держались чуть поодаль, не сводя с нее бдительных глаз. Так они вели себя всегда, нравилось ей это или нет. Когда они были вместе, у них словно бы автоматически включалась охранная функция. Однополчане не собирались выражать ей соболезнования. Уж на это ума у них хватало. Они были ее молчаливыми часовыми, всегда, и это безмолвное присутствие было для Майи единственным подлинным утешением в этот кошмарный день.

Время от времени Майе казалось, что до нее доносится смех дочери – ее давняя подруга, Эйлин Финн, увела Лили на площадку у начальной школы. Впрочем, возможно, это всего лишь игра воображения. Детский смех в такой обстановке казался одновременно кошунством и торжеством жизни. Майе отчаянно хотелось его услышать и так же отчаянно невыносимо было слышать его.

Дэниел с Алексой, дети Клер, замыкали вереницу. Майя заключила их в объятия, ей всегда хотелось защитить их от других испытаний, выпавших на их долю. Эдди, ее зять... А кем он, кстати, ей теперь приходится? Как назвать мужчину, который был женат на твоей сестре, пока ее не убили? Экс-зять? Так это скорее про развод. Бывший зять? Или по-прежнему просто зять?

Очередные глупости, призванные отвлечь.

Эдди нерешительно приблизился. На лице у него там и сям темнели пучки щетины, не замеченные при бритье. Он поцеловал Майю в щеку. На нее пахнуло ополаскивателем для рта и мятными леденцами – аромат был достаточно сильным, чтобы заглушить все прочие запахи, а с другой стороны, разве не для того они предназначались?

– Мне будет не хватать Джо, – выдавил Эдди.

– Я знаю. Он очень хорошо к тебе относился, Эдди.

– Если мы можем что-то сделать для вас с Лили...

«Лучше бы ты обратил наконец внимание на собственных детей», – подумалось Майе, но сейчас ее всегдашнее раздражение на зятя куда-то испарилось, расплзлось, точно прохуdivшийся плот.

– Мы справляемся, спасибо.

Эдди умолк, как будто прочитал ее мысли – не исключено, что в данном случае так оно и было.

– Прости, что не смогла прийти на твою прошлую игру, – сказала Майя Алексе. – Я обязательно приду на завтрашнюю.

Всем троим сразу стало неловко.

– Ну, это совершенно не обязательно, – ответил Эдди.

– Все в порядке. Мне полезно будет немного развеяться.

Эдди кивнул и, забрав Дэниела с Алексой, направился к машине. Девочка оглянулась на ходу. Майя ободряюще улыбнулась ей. «Ничего не изменилось, – говорила эта улыбка. – Я по-прежнему всегда буду рядом, как обещала вашей матери».

Майя наблюдала за тем, как семейство Клер усаживается в машину. Дэниел, дружелюбный четырнадцатилетний подросток, плюхнулся на переднее сиденье. Алекса, которой было всего двенадцать, в одиночестве устроилась сзади. С тех пор как не стало ее матери, она, казалось, постоянно втягивала голову в плечи в ожидании следующего удара. Эдди помахал рукой и, устало улыбнувшись Майе, сел за руль.

Он медленно тронулся с места, и Майя проводила их взглядом. Когда машина отъехала, Майя заметила, что чуть поодаль, прислонившись к дереву, стоит детектив из отдела по расследованию убийств, Роджер Кирс. На кладбище. В день похорон. Ее так и подмывало подойти и высказать ему все в лицо, потребовать ответов, но тут Джудит вновь коснулась ее руки.

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы с Лили поехали вместе с нами в Фарнвуд.

Упоминая в разговоре свой дом, Беркетты всегда именовали его исключительно Фарнвудом. Наверное, если Майя породнилась с таким семейством, рано или поздно сама превратилась бы во что-то подобное.

– Спасибо, – покачала головой Майя, – но, думаю, Лили сейчас будет лучше дома.

– Лили, да и вам обеим, сейчас будет лучше с родными.

– Спасибо за предложение.

– Я серьезно. Лили всегда останется нашей внучкой. А ты – нашей дочерью.

Джудит еще раз сжала ее руку, чтобы подкрепить свое высказывание. В устах Джудит оно прозвучало очень мило, в духе тех речей, которые она зачитывала с телесуфлера на своих благотворительных балах, но это была неправда, во всяком случае, в том, что касалось Майи. Никому из тех, кто вошел в семью Беркетт, не удалось стать для них кем-то большим, нежели чужаком, с присутствием которого приходилось мириться.

– В другой раз, – ответила Майя. – Уверена, вы меня понимаете.

Джудит кивнула и сухо обняла Майю. Брат и сестра Джо последовали ее примеру и с опустошенным видом двинулись к лимузинам, которые должны были отвезти их в беркеттовский особняк.

Ее бывшие однополчане по-прежнему маячили поодаль. Майя встретила взглядом с Шейном и еле заметно кивнула. Этого знака было достаточно. Они не столько исчезли, сколько бесшумно растворились, позаботившись о том, чтобы не оставить за собой следов. Большинство из них по-прежнему состояли на службе. После того, что произошло на сирийско-иракской границе, Майе было негласно предложено подать в отставку. Поскольку никакого реального выбора у нее не оставалось, она так и сделала. И вот теперь, вместо того чтобы командовать взводом или, по крайней мере, заниматься обучением новобранцев,

капитан в отставке Майя Штерн, так недолго пробывшая лицом обновленной армии, давала уроки управления самолетом в аэропорту Тетерборо в штате Нью-Джерси. Иногда она даже бывала довольна своей жизнью. Но большую часть времени скучала по военной службе так сильно, что и представить невозможно.

Наконец Майя осталась в одиночестве перед холмиком рыхлой земли, которой вскоре предстояло укрыть ее мужа.

– Ох, Джо... – вырвалось у нее.

Она пыталась ощутить его присутствие, как пыталась много раз прежде в подобных ситуациях, силясь почувствовать хотя бы какой-то намек на искру жизни после смерти, но всякий раз терпела неудачу. Некоторые люди верят, что должна оставаться хотя бы минимальная искра жизни – энергия и движение никогда не умирают полностью, душа бессмертна, а материю нельзя разрушить навсегда, ну и прочее в том же духе. Возможно, так оно и есть, но чем больше смертей видела Майя, тем сильнее крепло в ней ощущение, что после смерти нет ничего, абсолютно ничего.

Она стояла перед могилой, пока не показалась Эйлин, которая вела за руку Лили.

– Ты готова? – спросила она.

Майя снова взглянула на зияющую могилу. Ей хотелось сказать Джо что-то проникновенное, что дало бы им обоим... ощущение завершенности, но в голову ничего не приходило.

Эйлин отвезла их с Лили домой. Малышка немедленно уснула, едва оказавшись в детском креслице, которое выглядело так, точно было сконструировано инженерами НАСА. Майя сидела впереди на пассажирском сиденье и смотрела в окно. Когда они подъехали к дому – вообще-то, Джо хотел тоже придумать ему имя, но Майя решительно воспротивилась, – Майе даже каким-то образом удалось справиться с замысловатой системой креплений и извлечь Лили из салона. Она прижала дочкину головку к плечу, чтобы не разбудить.

– Спасибо, что подвезла, – шепотом поблагодарила она подругу.

Эйлин заглушила двигатель.

– Ты не против, если я зайду на минутку?

– Мы сами со всем справимся.

– Не сомневаюсь. – Эйлин отстегнула ремень безопасности. – Просто я хотела кое-что тебе дать. Это займет всего пару минут.

– Цифровая фоторамка? – Майя покрутила пластмассовый прямоугольник в руке.

Эйлин – рыжеватая блондинка с веснушками и широкой улыбкой. Лицо у нее из тех, что озаряют комнату, стоит только его хозяйке или хозяину появиться на пороге, и служат отличным прикрытием для раздвая внутри.

– Нет, это скрытая камера, замаскированная под фоторамку, чтобы наблюдать за няней.

– Не поняла...

– Теперь, когда ты будешь работать полный день, тебе придется внимательнее за всем следить, так ведь?

– Ну да, наверное.

– Где Изабелла в основном играет с Лили?

– Там, в кабинете. – Майя махнула рукой вправо.

– Идем, я покажу тебе, как ею пользоваться.

– Эйлин...

Подруга забрала у Майи рамку.

– Просто иди за мной.

Кабинет примыкал прямо к кухне. Балочный потолок и обилие светлого дерева делали помещение уютным. На одной из стен висел большой телевизор. Две корзины были доверху набиты развивающими игрушками Лили. Напротив дивана, там, где некогда находился изящный кофейный столик, теперь стоял складной детский манеж. Хрупкий столик, увы, был никак не совместим с маленьким ребенком, поэтому им пришлось пожертвовать.

Эйлин подошла к книжной полке и, расчистив место для рамки, воткнула ее в ближайшую розетку.

– Я уже загрузила на нее несколько фотографий вашей семьи. Рамка будет просто показывать их в случайном порядке. Изабелла с Лили обычно играют тут, у дивана?

– Да.

– Отлично. – Эйлин развернула рамку к дивану. – Камера, которая встроена в эту штуку, широкоугольная, так что ты сможешь видеть всю комнату целиком.

– Эйлин...

– Я видела ее на похоронах.

– Кого?

– Вашу няню.

– У семьи Изабеллы с семьей Джо давние связи. Ее мать нянчила Джо. А ее брат их семейный садовник.

– Серьезно?

– У богатых свои причуды, – пожала плечами Майя.

– Все у них не как у нормальных людей.

– Ну да.

– Так ты ей доверяешь?

– Кому? Изабелле?

– Да.

– Ты же меня знаешь, – ответила Майя.

– Ну да. – Эйлин изначально была подругой Клер – их поселили в одну комнату в общежитии колледжа Вассар, – но они очень быстро сдружились все втроем. – Ты вообще никому не доверяешь, Майя.

– Я сформулировала бы это несколько иначе.

– Допустим. Но если речь идет о твоем собственном ребенке?

– Если речь идет о моем собственном ребенке, – призналась Майя, – то да, никому.

– Поэтому я и принесла тебе эту штуковину, – улыбнулась Эйлин. – Послушай, я не считаю, что ты увидишь там что-то неожиданное. Изабелла с виду вполне нормальная.

– Но береженого Бог бережет?

– Именно. Ты просто не представляешь, насколько спокойнее я себя чувствовала с этой штукой, когда оставляла с няней Кайла и Мисси.

Майя задалась вопросом, действительно ли Эйлин использовала камеру исключительно для наблюдения за няней или собирала компромат на кого-то еще, но озвучивать эту мысль не стала.

– У тебя на компьютере есть разъем для карт памяти? – поинтересовалась Эйлин.

– Не знаю точно.

– Не важно. Вот тебе картридер, который вставляется в любой USB-порт. Воткни его в свой ноутбук или в компьютер. Тут нет ничего сложного. Просто вынимаешь вечером карту из рамки – вот тут, видишь?

Майя кивнула.

– Потом вставляешь карту в картридер, и у тебя на экране появляется видео. Карта на тридцать два гига, так что на день ее должно хватить без проблем. Тут есть еще датчик движения, так что, когда в комнате никого нет, запись отключается.

– С ума сойти... – улыбнулась против воли Майя.

– Что? Мы с тобой вдруг резко поменялись ролями и тебе это не нравится?

– Немножко. Я должна была сама об этом подумать.

– Странно, что не подумала.

Майе пришлось опустить глаза, чтобы перехватить взгляд своей невысокой подруги. Сама она была шести футов ростом, а благодаря военной выправке казалась еще выше.

– Ты хоть раз увидела там что-нибудь?

– Ты имеешь в виду что-то такое, чего не должна была увидеть?

– Угу.

– Нет, – покачала головой Эйлин. – И я понимаю, о чем ты думаешь. Он больше не возвращался. И я его не видела.

– Я тебя не сужу.

– Ни капельки?

– Что я была бы за подруга, если бы ни капельки тебя не судила?

Эйлин сделала шаг вперед и обняла Майю. Та ответила подруге тем же. Одно дело – все эти чужаки, пришедшие выразить соболезнования, и совсем другое – Эйлин. Майя поступила в Вассар через год после Клер. Они жили вдвоем в те беззаботные дни до того, как Майя поступила в военное летное училище в Форт-Ракере, в Алабаме. Эйлин до сих пор оставалась ее лучшим другом, как и Шейн.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя.

– Знаю, – кивнула Майя.

– Ты точно не хочешь, чтобы я осталась?

– У тебя есть своя семья.

– Ну ладно, – сказала Эйлин и, ткнув большим пальцем в сторону фоторамки, добавила: – Все равно я за тобой приглядываю.

– Смешно.

– Не очень. Но я понимаю, что тебе сейчас нужна передышка. Звони, если что. Да, кстати, об ужине можешь не беспокоиться. Я уже заказала доставку у китайцев из «Лук Си». Через двадцать минут привезут.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя.

– Угу. – Эйлин двинулась к выходу. – Знаю. – И остановилась как вкопанная. – Ух ты!

– Что такое?

– У тебя гости.

«Гости» оказались заросшим волосами приземистым детективом из отдела по расследованию убийств по имени Роджер Кирс. Он вразвалочку вошел в дом и, оглядевшись по сторонам в бесцеремонной полицейской манере, заключил:

– Неплохой у вас домик.

Майя нахмурилась, даже не пытаясь скрыть раздражение.

В Кирсе было что-то от пещерного человека. Коренастый и крепко сбитый, с короткими, не по росту руками, он принадлежал к той породе людей, которые сразу же после бритья снова выглядят небритыми. Его кустистые брови напоминали гусениц в последней стадии перед окукливанием, а волосы на руках завивались так круто, как будто дело не обошлось без плойки.

– Надеюсь, вы не против, что я заскочил?

– С чего бы мне быть против? – бросила Майя. – А, вас, видимо, смущает, что я вроде как только что похоронила своего мужа?

Кирс изобразил смущение:

– Я отдаю себе отчет в том, что момент не самый удачный.

– Вы так считаете?

– Но завтра вы будете на работе, и потом, когда он вообще выпадает, этот удачный момент?

– Лучше и не скажешь. Чем я могу вам помочь, детектив?

– Не возражаете, если я присяду?

Майя жестом указала на диван в кабинете. В голове у нее промелькнула мысль, что их разговор – как и вообще все, что происходит в этой комнате, – будет запечатлен скрытой камерой. Думать об этом было странно. Разумеется, можно каждый вечер отключать камеру, а с утра включать ее снова, но кому захочется с этим морочиться? Интересно, а звук камера тоже записывает? Надо будет спросить у Эйлин. Или самой потом проверить.

– Неплохой у вас домик, – снова повторил Кирс.

– Да, вы уже это говорили.

– В каком году он построен?

– Где-то в тысяча девятьсот двадцатых.

– Он ведь принадлежит семье вашего покойного мужа, я не ошибаюсь?

– Все верно.

Кирс опустился на диван. Майя осталась стоять.

– Так чем я могу вам помочь, детектив?

– Мне нужно кое-что у вас уточнить.

– Уточнить?

– Потерпите меня немного, ладно? – Кирс послал ей улыбку, которую, по-видимому, считал обезоруживающей. Майя на эту уловку не купилась. – Да где же он? – Кирс порылся во внутреннем кармане пиджака и вытащил растрепанный блокнот. – Не возражаете, если мы с вами еще разок все повторим?

Майя не очень понимала, о чем речь, возможно, Кирс этого и добивался.

– Что вы хотите знать?

– Давайте начнем с самого начала, хорошо?

Она села и развела руками, жестом приглашая его приступить.

– Почему вы с Джо встретились в Центральном парке?

– Потому что мы с ним так договорились.

– По телефону?

– Да.

– Вам это не показалось необычным?

– Нет, мы и раньше там встречались.

– Когда?

– Да что я, помню, что ли? Много раз. Я же вам говорила. Это очень приятное место.

Мы расстилали покрывало и сидели там, а потом шли перекусить в «Боатхаус»... – Она спохватилась и, сглотнув, умолкла. – Это просто приятное место, вот и все.

– Ну, в дневное время, разумеется. Но ночью-то там довольно неудобно, вы не находите?

– Мы всегда чувствовали себя там в безопасности.

– Ну, уж вы-то наверняка практически везде чувствуете себя в безопасности, – улыбнулся детектив.

– В смысле?

– Ну, после всех горячих точек, в которых вам довелось побывать, парком вас наверняка не напугать. – Кирс кашлянул в кулак. – В общем, ваш муж позвонил вам и предложил встретиться в парке, и вы согласились.

– Совершенно верно.

– Вот только... – Кирс заглянул в свой блокнот и, поплевав на пальцы, принялся перелистывать страницы. – Он вам не звонил. – И в упор взглянул на нее.

– Прошу прощения?

– Вы сказали, что Джо позвонил вам и предложил встретиться в парке.

– Нет, это вы так сказали. Я сказала, что мы с ним договорились встретиться в парке по телефону.

– А потом я уточнил, что ваш муж позвонил вам, и вы сказали: «Совершенно верно».

– Вы сейчас пытаетесь ловить меня на слове, детектив. У вас ведь есть на руках распечатка всех моих разговоров того вечера, я правильно понимаю?

– Да, она у меня есть.

– И в ней зарегистрирован факт нашего с мужем разговора?

– Да.

– Я не помню, кто кому звонил – он мне или я ему. Но это он предложил мне встретиться в парке на нашем любимом месте, хотя я точно так же могла это предложить, а может, и предложила бы, если бы он не успел первым. Какая вообще разница, кто именно это предложил?

– Кто-нибудь еще может подтвердить, что вы с Джо часто там встречались?

– Не думаю. Но какое это вообще имеет значение?

Кирс неискренне улыбнулся:

– Я тоже считаю, что никакого, так что пойдем дальше, ладно?

Майя положила ногу на ногу.

– Вы описали двух мужчин, которые приблизились к вам с западной стороны. Это так?

– Да.

– На них были лыжные маски?

Она отвечала на этот вопрос уже, наверное, несколько десятков раз.

– Да.

– Маски были черные, верно?

– Верно.

– Вы утверждаете, что один из них был примерно шестифутового роста. Кстати, какой рост у вас самой, миссис Беркетт?

Майя чуть было не рывкнула, чтобы он называл ее «капитан», потому что терпеть не могла, когда к ней обращались «миссис», но этого чина ее лишили.

– Пожалуйста, зовите меня Майя. И мой собственный рост как раз примерно шесть футов.

– Значит, один из нападавших был примерно вашего роста.

– Э-э... – Она с трудом удержалась от того, чтобы не закатить глаза. – Ну да.

– Вы дали довольно точное описание нападавших. – Кирс заглянул в блокнот. – Один из мужчин был примерно шести футов ростом, другой, по вашим оценкам, примерно пять футов восемь дюймов. Первый был в черной толстовке с капюшоном, джинсах и красных кедах марки «Конверс». Второй – в однотонной голубой футболке, с бежевым рюкзаком и в черных кроссовках, какой фирмы, вы не обратили внимания.

– Совершенно верно.

– Тот, который был в красных «конверсах», застрелил вашего мужа.

– Да.

– И тогда вы убежали.

Майя ничего не сказала.

– Если верить вашим показаниям, они намеревались вас ограбить. Вы сказали, что Джо замешкался и не сразу отдал бумажник. Кроме того, на вашем муже были очень дорогие часы. «Убло», если я правильно помню.

– Да, все правильно. – У Майи внезапно пересохло в горле.

– Почему он просто не отдал их?

– Думаю... думаю... он собирался.

– Но?..

Она покачала головой.

– Майя?

– Вам в лицо когда-нибудь целились из пистолета, детектив?

– Нет.

– Тогда вы вряд ли понимаете.

– А что я должен понимать?

– Когда дуло пистолета смотрит прямо на тебя и кто-то грозит спустить курок, эта черная дыра кажется невероятно огромной. Кажется, что она вот-вот поглотит тебя целиком. Некоторые люди... когда видят это... на них словно столбняк нападает.

– И Джо... – Голос Кирса смягчился. – На него тоже напал столбняк?

– На мгновение.

– И этого оказалось достаточно?

– В данном случае – да.

Они некоторое время молчали.

– А не мог пистолет выстрелить случайно? – спросил наконец Кирс.

– Сомневаюсь.

– Почему вы так считаете?

– По двум причинам. Во-первых, это был револьвер. Вы что-нибудь о них знаете?

– Не слишком много.

– Он устроен так, что нужно либо слегка его вскинуть, либо очень крепко сжимать.

Случайно из него не выстрелишь.

– Понятно. А какая вторая причина?

– Еще более очевидная, – сказала она. – Он выстрелил еще дважды. Нельзя случайно выпустить три патрона.

Кирс кивнул и снова заглянул в свой блокнот.

– Первая пуля попала вашему мужу в левое плечо. Второй выстрел пришелся в правую ключицу.

Майя закрыла глаза.

– На каком расстоянии находился стрелявший?

– Десять футов.

– Наш медэксперт сказал, что ни одна из этих ран не была смертельной.

– Да, вы говорили, – отозвалась она.

– И что же произошло потом?

– Я пыталась его удержать...

– Джо?

– Джо, Джо! – рявкнула она. – Кого же еще?

– Простите. И что произошло потом?

– Я... Джо упал на колени.

– И тогда нападавший выстрелил в третий раз?

Майя ничего не ответила.

– Третий выстрел, – повторил Кирс. – Именно он стал причиной смерти.

– Я ведь вам уже говорила.

– Что говорили?

Майя подняла глаза и встретила его взгляд.

– Я не видела третьего выстрела.

– Совершенно верно, – кивнул Кирс. – Потому что к тому времени вы дали стрелкача.

«Помогите... пожалуйста... кто-нибудь... мой муж...»

Сердце споткнулось у Майи в груди. На нее вдруг обрушились десятки звуков разом: стрельба, стрекот вертолетов, предсмертные крики раненых. Она закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, стараясь, чтобы лицо не выдало нахлынувших на нее чувств.

– Майя?

– Да, я сбежала. Вас это удивляет? Там было двое вооруженных мужчин. Я сбежала. Сбежала и бросила моего мужа на произвол судьбы. Потом, секунд через пять или через десять, за спиной у меня раздался выстрел. Теперь, когда вы мне все рассказали, я знаю, что после того, как я сбежала, тот человек приставил к голове моего мужа, который уже стоял на коленях, пистолет и спустил курок... – Ее голос осекся.

– Вас никто ни в чем не обвиняет, Майя.

– Я не спрашивала, обвиняет меня кто-нибудь или нет, детектив, – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Чего вы хотите?

Кирс вновь принялся перелистывать страницы.

– Помимо весьма подробного описания нападавших, вы указали, что человек в красных «конверсах» был вооружен «Смит-вессоном-686» а его напарник – «Береттой М-9». – Он

вскинул глаза. – Ваша подкованность в оружии впечатляет.

– Это входит в программу подготовки.

– Вы имеете в виду вашу военную подготовку?

– Давайте просто скажем, что я наблюдательный человек.

– О, давайте не будем скромничать, Майя. Нам всем отлично известны ваши подвиги в горячих точках.

«И мое падение», – чуть было не добавила она.

– Освещение в той части парка не слишком хорошее. Всего несколько фонарей.

– Этого вполне достаточно.

– Чтобы определить марку пистолетов?

– Я разбираюсь в оружии.

– Ну да, разумеется. Вы же высококлассный снайпер, я не ошибаюсь?

– Снайперша. – Поправка вырвалась у нее автоматически, как у него – снисходительная ухмылка.

– Ах, ну простите. И все же в парке было темно...

– «Смит-вессон» сделан из нержавеющей стали, а не из вороненой. Его легко разглядеть в темноте. Кроме того, я слышала, как он взвел курок. Это говорит о том, что у него был револьвер, а не самозарядный пистолет.

– А «беретта»?

– Я не уверена точно насчет марки, но у него был ствол плавающего типа в стиле «беретты».

– Как вам известно, мы извлекли из тела вашего мужа три пули. Тридцать восьмой калибр, что говорит в пользу версии о «смит-вессоне». – Детектив потер ладонью лицо, словно в глубокой задумчивости. – У вас ведь у самой есть пистолеты, так, Майя?

– Так.

– А среди них, случайно, нету «Смит-вессона-686»?

– Вы же знаете ответ.

– Откуда мне его знать?

– По закону штата Нью-Джерси я обязана регистрировать все оружие, приобретенное на территории штата. Так что все эти сведения у вас есть. Если вы не полный болван, детектив Кирс, – а это совершенно определенно не так – вы должны были сразу же проверить перечень принадлежащего мне оружия. Так что давайте прекратим играть в «кошки-мышки» и перейдем сразу к делу.

– На каком расстоянии, вы говорите, фонтан «Вифезда» находится от того места, где упал ваш муж?

Такая резкая смена темы разозлила ее.

– Уверена, вы все измерили.

– Да, так оно и есть. Там что-то около трехсот ярдов со всеми возможными поворотами. Я там пробежался. Я, конечно, не в такой хорошей форме, как вы, но у меня ушло на это примерно с минуту.

– Ну и...

– Видите ли, вот в чем заковыка. Свидетели в один голос говорят, что после того, как раздался выстрел, вы показались только через минуту или две. Как вы это объясните?

– А почему я должна это объяснять?

– Вы думаете в правильном направлении.

Майя и глазом не повела.

– Вы что, считаете, это я застрелила своего мужа?

– А это вы его застрелили?

– Нет. И знаете, как я могу это доказать?

– И как же?

– Пойдемте со мной в тир.

– В смысле?

– Как вы сказали, я – первоклассная снайперша.

– По нашим сведениям, так оно и есть.

– Тогда вы должны понимать.

– Что я должен понимать?

Майя подалась вперед и в упор взглянула на него.

– Мне не понадобилось бы тратить три пули, чтобы убить человека с такого расстояния, даже если бы у меня были завязаны глаза.

На сей раз улыбка Кирса была абсолютно искренней.

– Туше^[1]. И прошу простить меня за этот допрос, но я действительно не считаю, будто это вы убили вашего мужа. На самом деле я с легкостью могу доказать, что вы этого не делали.

– Что вы имеете в виду?

Кирс поднялся.

– Вы храните свое оружие дома?

– Да.

– Не возражаете, если я на него взгляну?

Майя отвела детектива в подвал, где находился оружейный сейф.

– Вы, наверное, горячая поклонница Второй поправки^[2], – заметил Кирс.

– Я не лезу в политику.

– Зато вы любите оружие. – Детектив оглядел сейф. – Я не вижу кодового замка. Он закрывается на обычный ключ?

– Нет. Он открывается по отпечатку пальца.

– А, вот оно что. Значит, открыть его можете только вы.

Майя сглотнула:

– Теперь – да.

– А... – поправился Кирс. – Ваш муж?

Она кивнула.

– А еще кто-нибудь, кроме вас двоих, имеет к нему доступ?

– Никто.

Она приложила к панели большой палец. Дверца с громким щелчком отскочила. Майя отступила в сторону.

Кирс заглянул внутрь и негромко присвистнул:

– Зачем вам такой арсенал?

– Просто я люблю стрелять. Это мое хобби. Большинство людей его не разделяют и не понимают. Меня это не волнует.

– Так, и который из них «Смит-вессон-686»?

– Вот он. – Майя указала внутрь сейфа.

Кирс сощурился.

– Можно мне взять его с собой?

– «Смит-вессон»?

– Да, если вы не против.

– Мне казалось, вы не считаете, что это я.

– А я и не считаю. Но мы можем исключить из круга подозреваемых не только вас лично, но и ваш пистолет, вам так не кажется?

Майя достала из недр сейфа револьвер. Как и большинство хороших стрелков, она была настоящим параноиком во всем, что касалось обращения с принадлежащим ей оружием, то есть всегда лишний раз проверяла, разряжено ли оно. Револьвер, разумеется, был разряжен.

– Я напишу вам расписку, – заверил ее Кирс.

– Я, конечно, могла бы попросить вас предъявить распоряжение суда.

– А я, вероятно, мог бы вам его предоставить.

Это была правда. Майя протянула ему револьвер.

– Детектив?

– Что?

– Вы что-то недоговариваете.

Кирс улыбнулся:

– Я с вами свяжусь.

Наутро в семь часов, как обычно, Изабелла, няня Лили, уже стояла на пороге.

Накануне на похоронах семья Изабеллы была в числе тех, кто, казалось, сильнее других убит горем. Особенно горевала ее мать, Роза, нянчившая Джо в детстве: она комкала в руках носовой платок и то и дело бессильно повисала на руках собственных детей, Изабеллы и Гектора. Майя отметила, что глаза у Изабеллы до сих пор заплаканные.

– Я очень вам соболезную, миссис Беркетт.

Майя неоднократно просила девушку обращаться к ней по имени, но Изабелла лишь неизменно кивала и продолжала звать ее «миссис Беркетт», так что Майе не оставалось ничего иного, как смириться. В конце концов, если Изабелле комфортнее формальное общение на работе, кто Майя такая, чтобы принуждать ее?

– Спасибо, Изабелла.

Лили выбралась из своего стульчика и с полным ртом хлопьев бросилась к ним.

– Изабелла!

При виде малышки девушка просияла и, подхватив ее на руки, крепко обняла. Майя на миг ощутила укол противоречивого чувства, знакомого всем работающим матерям: радость и в то же время огорчение оттого, что дочка так любит свою няню.

Доверяет ли она Изабелле?

Ответ на этот вопрос был, как Майя и сказала вчера, «да» – насколько вообще можно доверять любому чужаку в подобной ситуации. Изабеллу, разумеется, нанял Джо. Майя колебалась. Сама она склонялась к тому, чтобы отдать дочь в новый детский сад на Портер-стрит, носивший название «Гроуин ап», в котором Майя усматривала отсылку к старой песне Брюса Спрингстина. Хорошенькая улыбчивая девушка по имени Китти Шам – «Зовите меня мисс Китти!» – устроила Майе небольшую экскурсию по чистеньким разноцветным помещениям сада, полным камер наблюдения, устройств по обеспечению безопасности и других таких же, как она, хороших улыбчивых девушек – и, разумеется, других детей, с которыми Лили могла бы играть, – но Джо настоял на няне. Он напомнил Майе, что вырос практически на руках у матери Изабеллы, и Майя пошутила в том духе, что не уверена, такая уж ли хорошая это рекомендация. Однако, поскольку сама она в то время собиралась в шестимесячную командировку в очередную горячую точку, права голоса у нее особенно не было – как и веских причин подвергать сомнению выбор Джо.

Майя чмокнула Лили в макушку и вышла за дверь. Она могла бы взять еще несколько дней за свой счет и побыть дома с дочерью. Зарабатывать на жизнь нужды у нее определенно не было – даже притом что они с Джо перед свадьбой подписали брачный контракт, вдовой она стала более чем состоятельной, – однако материнство в классическом его понимании было абсолютно не для нее. Майя пыталась погрузиться в этот мир и примкнуть к местному сообществу мамашек со всеми их посиделками в кафе, где они с неподдельным интересом обсуждали приучение к горшку, лучшие детские сады, рейтинги безопасности колясок и мельчайшие достижения собственных чад. Майя на этих встречах сидела и вежливо улыбалась, но перед глазами у нее стояли кровавые сцены из Ирака – обычно это был Джейк Эванс, девятнадцатилетний парень из городка Фейетвилл в Арканзасе, которому оторвало всю нижнюю часть тела, но он после этого каким-то чудом умудрился выжить. Майя пыталась уложить в голове тот непостижимый факт, что эти посиделки в кафе существуют

на одной планете с кровавыми боями.

А иногда в такие моменты Майю посещали не пугающие видения, а чудился рокот лопастей вертолета. Забавно, думалось ей, что этих родителей с их неослабной гиперопекой и удушающей любовью в психологической литературе именуют «родителями-вертолетами».

Знали бы они...

По дороге к машине Майя автоматически повела взглядом по сторонам, выискивая места, где мог затаиться враг или откуда можно ожидать нападения. Причиной тому была намертво въевшаяся привычка. Кто был солдатом, останется им навсегда.

Никаких следов врага, воображаемого или нет, не обнаружилось.

Майя отдавала себе отчет в том, что за время службы заработала какое-то заумное психическое расстройство, но ведь из горячих точек без шрамов не возвращаются. Для нее это стало сродни прозрению. Теперь она знала всю правду об этом мире. А обычные люди – нет.

В армии Майя пилотировала боевые вертолеты, в задачи которых нередко входило обеспечение прикрытия и расчистки для наступающих наземных войск. Начинала она на знаменитых «черных ястребах» УН-60, в Форт-Кэмпбелле, прежде чем, намотав достаточно миль, подать заявление в престижный 160-й авиационный полк особого назначения на Ближнем Востоке. В армии вертолеты буднично называли «птичками», и никто не обращал на это внимания, но мало что раздражало так же сильно, как то же название из уст штатских. Майя собиралась продолжать службу до самой пенсии, но после того, как на сайте «Компрогат» выложили злополучное видео, этот план взлетел на воздух, как будто он тоже, как Джейк Эванс, наступил на самодельное взрывное устройство.

Сегодня ей предстояло давать уроки управления «Сессной-172», одномоторным четырехместным самолетом, которому выпала судьба стать самым массовым летательным аппаратом в истории авиации. Роль летного инструктора заключалась в том, чтобы часами находиться в воздухе рядом со студентом. Майе куда чаще приходилось молча наблюдать за действиями обучаемого, нежели активно инструктировать.

Управлять самолетом или даже просто сидеть в его кабине, когда он находится в воздухе, было для Майи чем-то сродни медитации. Она ощущала, как один за другим напряженные мускулы ее плеч расслабляются. Нет, это чувство не могло сравниться ни с мощью, ни, если быть честной, с возбуждением от полета на «черном ястребе» над Багдадом или от чести стать одной из первых женщин, пилотирующих «Боинг МН-6 Little Bird». Никто не желал признаваться в пристрастии к чудовищному кайфу боя, к тому адреналиновому взрыву, который кое-кто сравнивал с наркотиком. Считалось неподобающим «наслаждаться» боем, ощущать в теле этот сладкий трепет, отдавать себе отчет в том, что ничто в жизни даже близко не может с этим сравниться. Это страшная тайна, ее нельзя произносить вслух. Да, война всегда была адом, но это такой опыт, какого не пожелаешь даже врагу. Майя отдала бы жизнь за то, чтобы Лили никогда не довелось узнать ничего подобного. Но тщательно скрываемая от всех правда заключалась в том, что в глубине души человек испытывал тягу к ощущению опасности. Нет, никто не желал этого сознательно. Слишком в неприглядном свете он тогда бы выглядел. Если тебе нравятся подобные вещи, значит у тебя врожденная склонность к насилию, или отсутствует эмпатия, или еще какая-нибудь чушь. Но в страхе было что-то такое, что вызывало привыкание. Дома ты живешь относительно спокойной, мирной, обыденной жизнью. Дальше ты едешь в горячую точку и живешь в смертном страхе, а потом от тебя ждут, что ты вернешься домой и снова станешь спокойным и миролюбивым,

как обычно. Но человеческая психика так не работает.

На время занятия со студентом Майя всегда оставляла телефон в шкафчике, чтобы не отвлекаться. В экстренном случае ее могли вызвать по рации. Но когда во время обеденного перерыва она проверила телефон, то обнаружила странное сообщение от племянника, Дэниела.

Алекса не хочет, чтобы ты приходила к ней на футбольный матч.

Майя набрала номер. Дэниел ответил после первого же гудка.

– Алло?

– В чем дело?

Когда Майя похлопала тренера Алексы по плечу, здоровяк обернулся так стремительно, что свисток, висевший у него на шее, едва не хлестнул ее по лицу.

– Чего вам?! – рявкнул он.

Тренер – его звали Фил, и у него была дочка, печально известная на всю школу задира по имени Пэтти, – весь матч кричал, нервно расхаживал туда-сюда и беспрерывно истерил. Майя знавала армейских инструкторов, которые сочли бы, что такого нельзя допускать даже по отношению к закаленным солдатам, не говоря уже о двенадцатилетних девочках.

– Меня зовут Майя Штерн.

– Да, я в курсе, кто вы такая, но, – с этими словами Фил театральным жестом махнул в сторону поля, – я тут немножко занят. Вам следовало бы отнестись к этому с уважением, боец.

Боец?!

– У меня совсем небольшой вопрос.

– Мне сейчас не до вопросов. Подойдите после игры. И вообще, все зрители должны находиться с той стороны поля.

– Правила футбольной ассоциации?

– Именно.

Фил дал Майе понять, что разговор окончен, повернувшись к ней своей необъятной спиной. Майя не сдвинулась с места.

– Идет уже второй тайм, – произнесла она.

– Что?

– Правила футбольной ассоциации требуют, чтобы каждая девочка отыграла по одному тайму, – пояснила Майя. – Сейчас идет второй тайм, а три девочки так и не играли. Даже если вы сейчас выпустите их на поле до конца игры, в общей сложности они все равно не проведут на поле одного тайма.

Шорты Фила были ему впору, когда он весил на двадцать, а то и тридцать фунтов меньше. Красная футболка поло с вышитым слева на груди словом «Тренер» обтягивала его так туго, что он походил на сардельку. Фил производил впечатление вышедшего в тираж спортсмена – судя по всему, так оно и было. Он был здоровяком, и его габариты, видимо, внушали людям страх.

– К вашему сведению, – не оборачиваясь, бросил через плечо Фил, – это полуфинал чемпионата лиги.

– Я в курсе.

– У нас преимущество всего в одно очко.

– Я проверила правила, – заявила Майя, – и не нашла там никаких исключений для

полуфинальных игр. В четвертьфиналах вы тоже не выпустили на поле всех участниц команды.

Фил развернулся и в упор уставился на Майю. Потом поправил козырек кепки и придвинулся к ней. Майя даже не подумала отступить. За время первого тайма, пока Майя вместе с родителями смотрела матч, Фил в пылу игры, злясь то ли на своих подопечных, то ли на судей, дважды швырял эту свою дурацкую кепку на пол. Ни дать ни взять скандальный двухлетка.

– Если бы я на прошлой игре выпустил этих девиц, мы вообще не прошли бы в полуфинал, – процедил тренер, точно куски битого стекла выплевывал.

– То есть вы проиграли бы, если бы делали все по правилам?

– То есть они хреново играют, – фыркнула при этих словах Пэтти, дочь тренера.

– Хватит, Пэтти. Иди смени Аманду.

Пэтти с ухмылкой двинулась ко входу на поле.

– Ваша дочь... – начала Майя.

– Что – моя дочь?

– Она задирает остальных девочек.

– Это вам ваша Алиса сказала? – покривился от отвращения тренер.

– Алекса, – поправила его Майя. – Но это была не она.

Про Пэтти ей сказал Дэниел.

Фил наклонился к Майе, так что ее обдало запахом салата с тунцом.

– Послушайте, рядовой...

– Рядовой?

– Вы ведь служите в армии, так ведь? Ну или служили, – усмехнулся он. – Говорят, вы и сами были не прочь нарушить правила?

Кулаки у Майи против воли сжались.

– Как человек военный, – продолжал он, – вы должны понимать кое-что.

– Что именно?

Тренер подтянул свои шорты.

– Это, – он обвел рукой футбольное поле, – моя битва. Я здесь командующий, а это мои солдаты. Вы ведь не посадили бы тупоголового новобранца за штурвал какого-нибудь F-16, так ведь?

Майя ощутила, как кровь у нее в жилах начинает закипать.

– То есть, – произнесла она, изо всех сил стараясь говорить ровным тоном, – вы сравниваете футбольный матч с войной, которую наши солдаты ведут в Афганистане и Ираке?

– Вы что, сами не понимаете?

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Держи себя в руках.

– Это спорт. – Тренер Фил снова махнул рукой в сторону футбольного поля. – Серьезный спорт. И в каком-то смысле это тоже война. Я не собираюсь нянчиться с этими девицами. В конце концов, они уже не в начальной школе. Это шестой класс. Пора уже повзрослеть. Понимаете, что я имею в виду?

– На сайте лиги написано...

Он навис над ней так, что козырек его кепки оцарапал ей макушку.

– Плевать я хотел на то, что там написано на сайте! Если вы чем-то недовольны, подавайте официальную жалобу в администрацию.

– Которую вы возглавляете.

Тренер широко улыбнулся:

– Мне нужно заняться девочками. Так что всего хорошего. – Он издевательски сделал ей ручкой и отвернулся к полю.

– Зря вы повернулись ко мне спиной, – произнесла Майя.

– И что вы мне сделаете?

Не стоило так поступать. Майя отдавала себе в этом отчет. Надо было просто плюнуть и уйти. И не обострять ситуацию, хотя бы ради Алексы.

Вдох-выдох, вдох...

Однако, в то время как все эти разумные мысли проплывали у Майи в голове, руки ее жили своей жизнью. Она молниеносным движением наклонилась, обеими руками ухватила за штанины его шорт и, от души надеясь, что тренер не принадлежит к числу тех, кто не носит нижнее белье по идеологическим соображениям, рванула их вниз, спустив до самых лодыжек.

Дальнейшие события развивались стремительно.

Толпа в один голос ахнула. Тренер так же молниеносно кинулся натягивать спущенные шорты, под которыми обнаружились тесные белые плавки, но запутался в штанинах и полетел наземь.

Грянул хохот.

Майя ждала.

Тренер Фил быстро обрел равновесие. Вскочив, он одним движением натянул шорты и бросился на нее. На лице его была ярость пополам с унижением.

– Ах ты тварь!

Майя внутренне собралась, но не двинулась с места.

Тренер Фил занес кулак.

– Давай, – произнесла она, – дай мне повод уложить тебя на обе лопатки.

Тренер остановился, взглянул Майе в глаза и, видимо что-то там увидев, опустил руку.

– Пачкаться еще о тебя.

«Довольно», – подумала Майя.

Она уже почти жалела о своем поступке. Наверное, не стоило учить племянницу решать конфликты силой. Уж кто-кто, а Майя знала, что никакое это не решение. Но когда она бросила взгляд на Алексу, ожидая увидеть на лице своей тихони-племянницы испуг или ошарашенность, то, к изумлению своему, обнаружила, что девочка с трудом сдерживает улыбку. И это не была улыбка удовлетворения или злорадства по поводу унижения тренера. В ней крылось нечто другое.

«Теперь она знает», – подумала Майя.

Этому ее научила армия, но, разумеется, было справедливо и в мирной жизни. Твои товарищи должны быть уверены, что ты их прикроешь. Самое первое правило, самый главный урок, то, что превышает всего. Враг, напавший на тебя, нападает и на меня.

Перегнула Майя палку или нет, но теперь Алекса знала, что ее тетя рядом и, что бы ни случилось, она не даст племянницу в обиду.

В начавшейся суматохе Дэниел двинулся к сестре, пытаясь защитить ее на свой лад. Он тоже кивнул Майе. Он тоже понял.

Их мать погибла. Их отец спивается.

Зато у них есть Майя.

Майя заметила «хвост».

Она везла Дэниела с Алексой домой, по своему обыкновению машинально сканируя взглядом окрестности в поисках чего-то необычного, когда заметила в зеркале заднего вида красный «бьюик-верано».

В самом «бьюике» пока что не было ничего подозрительного. Они проехали всего лишь милю, но этот самый «бьюик» попался ей на глаза, когда они выезжали с парковки при футбольном поле. Возможно, это ничего не значило. Скорее всего, так оно и было. Шейн любил поговорить о шестом чувстве, которым якобы обладают хорошие солдаты. Майя в эту чушь не верила. Вернее, верила до тех пор, пока на собственном чудовищном опыте не убедилась в обратном.

– Тетя Майя? – послышался с заднего сиденья голос Алексы.

– Что случилось, солнышко?

– Спасибо, что пришла на игру.

– Было классно. Ты отлично играла.

– Не-а, Пэтти права. Я играю хреново.

Дэниел рассмеялся. Алекса тоже.

– Не говори так. Тебе ведь нравится футбол, правда?

– Да, но этот год будет для меня последним.

– Почему?

– Потому что в следующем году я уже не потяну нужный уровень.

– В спорте это не главное, – покачала головой Майя.

– А что же тогда главное?

– Главное – получать удовольствие и держать себя в форме.

– Ты сама-то в это веришь? – спросила Алекса.

– Да, верю.

– Тетя Майя?

– Что, Дэниел?

– Ты и в Санта-Клауса тоже веришь?

Дэниел с Алексой снова рассмеялись. Майя с улыбкой покачала головой. Потом бросила взгляд в зеркало заднего вида.

Красный «бьюик-верано» никуда не делся.

У нее мелькнула мысль, что это тренер Фил преследует ее, желая поквитаться. Цвет машины подходил... впрочем, верзила, обуреваемый жадой демонстрировать всем окружающим свое превосходство, наверняка ездил на спортивной машине или на чем-нибудь типа «заммера».

Когда они подъехали к дому Клер – несмотря на то что с момента убийства прошло уже столько времени, Майя по-прежнему думала об этом доме как о доме сестры, – «бьюик» проехал мимо, даже не притормозив. Возможно, это все-таки был не «хвост». Наверное, кто-то из футбольных болельщиков, живущих по соседству. Вполне логично.

Майе вспомнился тот день, когда Клер впервые показала этот дом им с Эйлин. Тогда он выглядел примерно так же, как и сейчас: заросший газон, облупившаяся краска, растрескавшийся асфальт на подъездной дорожке, поникшие цветы.

– Ну, как тебе дом? – спросила ее тогда сестра.

– Настоящая развалюха.

– Потрясающая наблюдательность, – улыбнулась Клер. – погоди, дай мне время.

Майя в таких делах была настоящим бревном. Она не имела дара видеть потенциал. А у Клер такой дар был. Сестра обладала способностью преображать все вокруг себя. Вскоре первыми словами, приходившими на ум, когда ты подъезжал к дому, стали «радостный» и «уютный». Он походил на детский рисунок, сделанный разноцветными мелками, с солнышком, которое всегда светит с неба, и цветами выше дверей.

Теперь все это пришло в упадок.

Эдди встречал их на пороге. Как и дом, он теперь превратился в бледную тень того себя, каким был когда-то до гибели Клер.

– Как все прошло? – спросил он дочь.

– Мы проиграли, – ответила Алекса.

– Эх, жалко!

Девочка чмокнула отца в щеку, и они с Дэниелом скрылись в доме. Вид у Эдди был настороженный, однако же он посторонился и впустил Майю внутрь. На нем была красная фланелевая рубаша и джинсы, и снова на Майю пахнуло чрезмерной свежестью лосьона для полоскания.

– Я приехал бы за ними, – немедленно принялся оправдываться Эдди.

– Нет, – отрезала Майя. – Не приехал бы.

– Я не собирался... То есть я выпил уже после того, как узнал, что ты подбросишь их до дома.

Майя ничего не сказала. В углу по-прежнему громоздились штабеля коробок. В них были вещи Клер. Эдди так и не собрался перенести их в подвал или в гараж. Они все так же стояли в гостиной, точно добыча безумного скопида.

– Честное слово, – не унимался он. – Я никогда не сажусь за руль, если выпил.

– Не человек – мечта.

– Тебе нимб не жмет?

– Не жмет.

– Майя?

– Что?

На правой щеке и на подбородке у Эдди темнели островки щетины – он не заметил их, когда брился. Клер ни за что не выпустила бы его из дома в таком виде.

– Я не пил, пока она была жива, – произнес он негромко.

Майя не знала, что на это сказать, поэтому промолчала.

– Ну, я имею в виду, я, конечно, пропускал стаканчик время от времени, но...

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – оборвала его Майя. – Наверное, мне лучше уйти. Береги детей.

– Мне звонили из городской ассоциации футбола.

– Ясно.

– Я так понял, ты устроила там скандал.

– Я просто обсудила с тренером правила, – пожала плечами Майя.

– Кто дал тебе право?

– Твой сын, Эдди. Он позвонил мне и попросил помочь твоей дочери.

– И ты считаешь, что ты этим ей помогла?

Майя ничего не ответила.

– Думаешь, подонок вроде Фила забудет нечто подобное? Думаешь, он не найдет способ

отыграться на Алексее?

– Я бы ему очень не советовала это делать.

– А то что? Ты устроишь еще больший скандал?

– Да, Эдди. Если потребуется, устрою. Я буду защищать ее до тех пор, пока она не сможет постоять за себя сама.

– Сдергивая с тренеров штаны?

– Делая то, что для этого нужно.

– Ты сама-то слышишь, что говоришь?

– Прекрасно слышу. Я сказала, что буду защищать ее. И знаешь почему? Потому что, кроме меня, ее защитить некому.

Эдди отпрянул, как от пощечины.

– Убирайся из моего дома!

– Прекрасно. – Майя развернулась и двинулась к выходу, но на пороге остановилась. – Кстати, твой дом превратился в помойку. Приведи его в порядок.

– Я сказал, убирайся. И пожалуй, лучше, если ты какое-то время не будешь сюда приходить.

Майя замерла.

– Что?

– Я не хочу, чтобы ты приближалась к моим детям.

– К твоим детям? – Майя подошла к нему вплотную. – Ты ничего не хочешь мне объяснить?

Гнев, тлевший в его глазах, казалось, куда-то испарился. Эдди сглотнул, отвел взгляд и произнес:

– Ты не понимаешь...

– Чего именно я не понимаю?

– Ты всегда воевала ради того, чтобы этого не пришлось делать нам. Было время, когда рядом с тобой мы чувствовали себя в безопасности.

– Было время?

– Да.

– Я тебя не понимаю, – покачала головой Майя.

Эдди наконец-то нашел в себе мужество взглянуть ей в глаза:

– Смерть идет за тобой по пятам, Майя.

Она стояла, как громом пораженная. Где-то кто-то включил телевизор. До нее донеслись приглушенные возгласы.

Эдди принялся загибать пальцы:

– Война. Клер. А теперь еще и Джо.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

Он раскрыл рот, снова закрыл его. Потом начал заново:

– Не знаю, может, смерть прицепилась к тебе в какой-нибудь забытой богом дыре в пустыне. А может, она всегда жила внутри тебя, и ты просто каким-то образом выпустила ее наружу или привела за собой.

– Ты бредишь, Эдди.

– Не такой уж это и бред. Мне нравился Джо. Он был хороший парень. А теперь его тоже нет. – Эдди вскинул на нее глаза. – Я не хочу, чтобы кто-то из тех, кто мне дорог, стал следующим.

– Ты же знаешь, я никому не позволю причинить зло Дэниелу с Алексой.

– Ты воображаешь, что это в твоей власти, Майя?

Она ничего не ответила.

– Причинить зло Джо и Клер ты тоже никому бы не позволила. Ну и сильно им это помогло?

Вдох-выдох.

– Ты бредишь, Эдди, – повторила она.

– Убирайся из моего дома, – повторил в свою очередь он. – Убирайся и больше не приезжай.

Неделю спустя красный «бьюик-верано» появился снова.

Майя ехала домой после слишком долгого рабочего дня. Она устала и проголодалась, и все, чего ей хотелось, это поскорее добраться до дома и отпустить Изабеллу. Если бы не этот чертов красный «бьюик».

Ну и что с ним делать?

Пока Майя перебирала в уме возможные варианты, «бьюик» скрылся. Еще одно совпадение или водитель догадался, что она едет домой? Майя склонялась к последнему.

Когда она подъехала к дому, на дорожке рядом со своим пикапом топтался Гектор, брат Изабеллы. Обыкновенно он подвозил сестру домой, покончив с делами в саду.

– Здравствуйте, миссис Беркетт.

– Привет, Гектор.

– Я как раз закончил с клумбами. – Он наглухо застегнул молнию своей толстовки с капюшоном, в такую жару это выглядело странно. – Как вам?

– Очень здорово. Можно мне попросить тебя об одной услуге?

– Разумеется.

– Мне надо бы кое-что сделать в доме моей сестры. Ты не согласился бы подстричь там газон, ну и немного прибраться?

Гектор замялся. Члены его семьи работали исключительно на Беркеттов. Они платили ему жалованье.

– Я спрошу у Джудит, не будет ли она против, – пообещала Майя.

– Если так, то я с радостью.

Майя двинулась к дому, и тут телефон у нее в кармане звякнул. Пришла эсэмэска от Алексы.

У меня в субботу футбол. Ты придешь?

После стычки с тренером Филом на прошлой неделе Майя уже несколько раз под разными предлогами отказывалась заезжать к ним. Слова Эдди не давали ей покоя, пусть даже она не сомневалась в том, что он ошибается. Его разглагольствования про то, что смерть-де ходит за ней по пятам, казались Майе суеверными, но, с другой стороны, наверное, отец имеет право быть суеверным, если дело касается его родных детей – во всяком случае, какое-то время.

Много лет назад, когда Дэниел только появился на свет, Клер с Эдди назначили Майю опекуном сына, а затем и дочери тоже, на тот маловероятный случай, если что-то произойдет с ними обоими сразу. Но уже тогда, хотя ничто не наводило на мысль о том, как чудовищно наперекосяк все пойдет, Клер отвела сестру в сторонку и сказала:

– Если что-то случится только со мной, Эдди в одиночку не справится.

– С чего ты взяла?

– Он хороший человек. Но сильным человеком его не назовешь. Ты должна быть рядом, что бы ни случилось.

Ей не пришлось добавлять: «Пообещай мне» или «Дай мне слово». Клер это знала. И Майя знала. Она отнеслась к просьбе сестры со всей серьезностью и приняла на себя эту

ответственность, и, несмотря на то что на данный момент она подчинилась желаниям Эдди, даже он сам понимал, что это не навсегда.

«Ох, нет, никак не смогу. На работе запарка. Увидимся потом, ладно? Целую», – написала Майя в ответном сообщении.

По пути ей вспомнился тот самый день в Кэмп-Арифджане, в Кувейте. Звонок раздался в полдень по местному времени. Дома, в Америке, было пять утра.

– Это я, – пробился сквозь треск помех голос Джо. – У меня скверная новость.

Так странно, подумалось Майе в тот краткий миг затишья перед тем, как ее мир рухнул, оказаться, так сказать, по другую сторону. Для нее с этими ужасными звонками дело всегда обстояло с точностью до наоборот: дурные новости рождались на Ближнем Востоке и отправлялись на запад, в Штаты. Разумеется, сама она никогда никому не звонила. На этот счет существовал специальный протокол. «Уведомитель о гибели» – да, была и такая должность – сообщал новость родным лично. Ужасная обязанность. Добровольно брать ее на себя никто не вызывался – это было всегда решение начальства. Тот, кому выпадала эта задача, облачался в парадную форму, садился в машину в сопровождении пастора и, постучавшись к вам в дверь, зачитывал по памяти похоронку.

– Что стряслось? – спросила она тогда Джо.

В трубке повисла тишина. Самая чудовищная тишина в ее жизни.

– Джо?

– Клер больше нет, – произнес он, и внутри у Майи что-то оборвалось.

Майя открыла заднюю дверь. Лили, устроившись на диване, что-то увлеченно рисовала зеленым восковым мелком. Появление матери не заставило ее оторваться от своего занятия, но Майя не огорчилась. Лили была из тех детей, которые с головой уходили в то, чем занимались. А сейчас это было рисование. Изабелла медленно поднялась, точно боялась отвлечь девочку, и двинулась навстречу Майе.

– Спасибо, что согласилась задержаться, – сказала Майя.

– Не за что.

Лили вскинула глаза и улыбнулась. Майя с Изабеллой как по команде улыбнулись и помахали ей в ответ.

– Ну, как она вела себя сегодня?

– Она была паинькой. – Изабелла бросила на Лили горестный взгляд. – Бедняжка, ничего пока не понимает.

Примерно то же самое Майя слышала от нее каждый день.

– Увидимся завтра утром, – кивнула она.

– Да, миссис Беркетт.

Майя опустилась на диван рядом с дочерью. С улицы слышался шум отъезжающего пикапа Гектора. Фотографии в рамке на каминной полке сменяли одна другую. Майя постоянно помнила, что все, что бы она ни делала, записывается. Она старательно проверяла записи почти каждый день, просто ради того, чтобы убедиться, что Изабелла не... не делала чего именно? Как бы там ни было, скрытая камера ни разу не запечатлела ничего из ряда вон выходящего. Майя никогда не просматривала записи того, как она играет с дочкой. Это казалось странным. С другой стороны, странно было держать в комнате скрытую камеру. Майя не могла отделаться от ощущения, что сам факт наличия псевдорамки вынуждает ее вести себя по-другому. Можно ли было утверждать, что камера отчасти влияет на ее

собственные отношения с Лили? Пожалуй, да.

– Что ты такое нарисовала? – поинтересовалась Майя.

– Ты что, сама не видишь?

Точнее всего рисунок описывало определение «каляка-маляка».

– Нет.

Лили была явно задета за живое.

– Это две коровы и гусеница!

– Корова – это вот эта зеленая?

– Это гусеница!

К счастью для Майи, у нее зазвонил телефон. Она взглянула на экран. Звонил Шейн.

– Ну как ты, держишься? – спросил он.

– Да вроде бы.

Повисло молчание. Вновь Шейн заговорил только секунды через три.

– Обожаю неловкое молчание, – произнес он в трубку. – А ты?

– Я от него в восторге. Так что случилось?

– Нам нужно поговорить, – сказал он.

– Ну, говори.

– Я заеду. Вы есть хотите?

– Да не особенно.

– Я могу привезти пиццу с курицей буффало из «Круче тучи».

– Руки в ноги – и вперед.

Майя повесила трубку. На базе в Кэмп-Арифджане пиццу при желании можно было есть на завтрак, обед и ужин, но соус отдавал прокисшим кетчупом, а тесто было как замазка. Вернувшись домой, Майя ела исключительно пиццу на тонком тесте, а лучше, чем в «Круче тучи», ее не делали нигде.

Когда приехал Шейн, они вдвоем сели за кухонный стол и принялись поглощать пиццу. Лили любила Шейна. Дети вообще его любили, чего нельзя было сказать о взрослых. Среди большинства людей, с накрепко вбитыми представлениями о приличиях и намертво приросшими к лицам фальшивыми улыбками, Шейн был как слон в посудной лавке, его немногословная сдержанность пугала их. Он не выносил пустопорожней болтовни и всей той бессмысленной ерундистики, которая так занимает современное общество.

Когда с пиццей было покончено, Лили потребовала, чтобы укладывать ее в постель отправился Шейн, а не Майя.

– Но читать тебе книжки – такая скукота, – надулся Шейн.

Лили расхохоталась и, схватив его за руку, потащила к лестнице.

– Нет, только не это! – завопил Шейн и завалился на пол.

Лили расхохоталась еще сильнее, продолжая тянуть его за руку. Шейн принялся упираться. На то, чтобы затащить его по лестнице на второй этаж, у Лили ушло добрых десять минут.

Когда они все-таки добрались до спальни, Шейн принялся читать ей сказку, но девочка так быстро заснула, что Майя готова была заподозрить снотворное.

– Быстро же ты управился, – заметила она, когда он спустился вниз.

– У меня был хитрый план.

– И в чем же он заключался?

– В том, чтобы заставить ее тащить меня по лестнице. Это ее умотало.

– Какой ты коварный тип.

– Ну да, я такой.

Они взяли из холодильника по банке пива и отправились на задний двор. Уже совершенно стемнело. На них немедленно навалилась удушающая влажность, но тот, кому доводилось хотя бы раз совершить марш-бросок по пустыне в полной боевой выкладке, был привычен к любой жаре.

– Ночка что надо, – заметил Шейн.

Они присели у бассейна и принялись каждый за свое пиво. Майю не оставляло ощущение воцарившейся между ними неловкости, и оно ей не нравилось.

– Прекрати эти штучки, – произнесла она.

– Какие штучки?

– Ты ведешь себя со мной как с...

– Как с кем?

– Как со вдовой. Хватит.

– Да, прости, – кивнул Шейн, – я был неправ.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить? – напомнила Майя.

Он сделал глоток пива.

– Может, я зря гоню волну.

– Ну?

– Тут появились кое-какие разведданные. – Шейна оставили в армии, и он теперь возглавлял местное отделение военной полиции. – Судя по всему, Кори Радзински вернулся в Штаты.

Шейн умолк и стал ждать ее реакции. Майя сделала большой глоток пива и ничего не ответила.

– Мы считаем, что он пересек канадскую границу две недели назад.

– Он находится в розыске?

– Официально – нет.

Кори Радзински был основателем веб-сайта «Компромат», где можно было конфиденциально слить информацию самого разного толка. Идея заключалась в том, чтобы разоблачать противозаконную деятельность чиновников и крупного бизнеса. История с южноамериканским правительственным чиновником, который брал откаты у нефтяных компаний? Публикация на сайте «Компромат». Полицейский скандал с утечкой электронной служебной переписки расистского толка? Публикация на сайте «Компромат». Жестокое обращение с заключенными в Айдахо? Попытка замять выброс радиации в Азии? Служба госбезопасности, пользующаяся услугами дорогостоящего эскорт-агентства? Публикация на сайте «Компромат».

И разумеется, гибель гражданских лиц в результате превышения служебных полномочий некой пилотессой военного вертолета?

Ну да, все верно.

За все эти разоблачения следовало благодарить анонимных поставщиков компромата с сайта Кори.

– Майя?

– Он уже ничем не сможет мне навредить.

– Что? – Шейн склонил голову набок.

– Ничего. Он не сможет мне навредить, – повторила Майя. – Он уже выложил ту запись.

– Не всю.

– Мне все равно. – Майя отхлебнула пива.

– Ладно. – Шейн откинулся назад и, немного помолчав, добавил: – Почему, как ты думаешь, он этого не сделал?

– Выложил не всю запись?

Шейн даже не представлял, как мучил этот вопрос саму Майю.

– Он ведь компроматчик, – продолжал Шейн. – Так почему же он не опубликовал ее?

– Не знаю.

Вид у Шейна стал отсутствующий. Майе было хорошо знакомо это выражение.

– Надо полагать, у тебя есть какая-то версия? – спросила она.

– Есть.

– Так давай ее выслушаем.

– Кори приберегает запись для нужного момента.

Майя нахмурилась.

– Сначала он устраивает шумиху в прессе, когда выкладывает первую часть. Потом, когда у него появляется нужда в новом пиаре, он выкладывает все остальное.

Майя покачала головой.

– Он – акула, – продолжал Шейн. – А акулу надо постоянно кормить.

– В смысле?

– Чтобы его затея увенчалась успехом, Кори Радзински нужно не просто изобличать тех, кого он считает коррумпированными, но делать это с максимально возможной оглаской.

– Шейн?

– Что?

– Честно, мне уже все равно. Я больше не служу в армии. Я теперь вообще – ах! – вдова.

Пусть изгаляется как хочет.

Интересно, Шейн купился на ее бравладу? Впрочем, он ведь не знал всей правды.

– Так, ладно. – Шейн одним глотком прикончил пиво. – Так ты собираешься мне рассказать, что здесь происходит, или нет?

– Что ты имеешь в виду?

– Я сделал по твоей просьбе экспертизу и не задал ни единого вопроса.

– Спасибо, – кивнула Майя.

– Я здесь не ради твоего «спасибо», и ты это знаешь.

Она действительно это знала.

– Сделав эту экспертизу, я нарушил присягу. Что было, если называть вещи своими именами, противозаконно. И ты это знаешь.

– Не будем сейчас об этом, Шейн.

– Ты знала, что Джо грозит опасность?

– Шейн...

– Или их настоящей мишенью была ты?

Майя на мгновение прикрыла глаза. Вокруг нее бушевало угрожающее море звуков.

– Майя?

Она открыла глаза и медленно повернулась к нему:

– Ты мне доверяешь?

– Не надо оскорблять меня подобным вопросом. Ты спасла мне жизнь. Я не знал и не знаю солдата лучше и храбрее, чем ты.

– Те, кто был лучше и храбрее, вернулись домой в цинковых гробах, – покачала она головой.

– Нет, Майя, это не так. Да, они заплатили самую дорогую цену. По большей части им просто не повезло, и мы оба это знаем. Они просто оказались в неудачном месте в неудачное время.

Шейн говорил правду. Лучшая выучка вовсе не гарантировала больших шансов на выживание. В сущности, это была лотерея. На войне смерть косила всех без разбора.

– Так ты решила разбираться со всем в одиночку? – послышался из темноты негромкий голос Шейна.

Майя ничего не ответила.

– Хочешь отомстить убийцам Джо самостоятельно.

Это не был вопрос. Молчание повисло между ними на некоторое время, точно духота.

– Если тебе понадобится какая-нибудь помощь, я рядом. Ты ведь это знаешь, правда?

– Знаю. – И тут же, практически без паузы: – Ты доверяешь мне, Шейн?

– Я без колебаний доверил бы тебе свою жизнь.

– Тогда не лезь в это дело.

Шейн допил пиво и двинулся к выходу.

– Мне нужно еще кое-что, – остановила его Майя. Она протянула ему листок бумаги.

– Что это?

– Номер красного «бьюика-верано». Мне нужно узнать, кому принадлежит машина.

– Я не стану оскорблять нас обоих вопросом, зачем это тебе понадобилось. – Шейн соорудил гримасу. – Но в следующий раз на халявную помощь можешь не рассчитывать. – Он отечески чмокнул ее в макушку и скрылся за порогом.

Майя пошла заглянуть в комнату к спящей дочери, потом отправилась в суперсовременный спортивный зал, который Джо оборудовал в доме, когда они только съехались. Там она устроила себе небольшую силовую тренировку – поприседала, покачала пресс и руки, потом перешла на беговую дорожку. Этот дом всегда казался ей слишком большим, слишком роскошным. Она сама происходила далеко не из бедной семьи, но такое богатство было ей не по душе. Майя никогда не чувствовала себя здесь уютно, ни теперь, ни прежде, но так уж было у Беркеттов заведено. Никому из тех, кто попадал в семейство Беркетт, не удавалось из него вырваться: оно лишь прирастало и прирастало.

Майя тренировалась, пока не взмокла. Упражнения всегда помогали ей справиться с любыми горестями. Закончив, она повесила на шею полотенце, вытащила из холодильника запотевшую бутылку пива «Бад» и приложила ее к разгоряченному лбу. Ледяное стекло приятно холодило кожу.

Майя дернула мышь, чтобы оживить компьютер, и вышла в Интернет. Потом ввела в строку браузера адрес «Компромата» и стала ждать, когда сайт загрузится. «Викиликс» и прочие подобные сайты отличались строгим дизайном: безликие, монохромные, информативные. Кори же прибегнул к более стимулирующему визуальному ряду. Набранный неровным шрифтом девиз, шапкой венчающий главную страницу, гласил прямо и без обиняков: «У вас есть компромат? У нас есть „Компромат“!»

Сайт переливался всеми цветами радуги. Пестрел превью видеозаписей. В то время как конкурирующие сайты старались по возможности не прибегать к гиперболизации, Кори щедро рассыпал по страницам своего сайта самые кричащие, самые желтушные заголовки-наживки. «Как государство шпионит за вами. Десять способов, которые взорвут ваш мозг!»,

«Уолл-стрит в погоне за вашими деньгами... вы не поверите, что будет дальше!», «Вы до сих пор верите, что полиция вас защищает? Не будьте наивными!», «Мы убиваем мирных граждан. За что боевые генералы нас ненавидят», «Двадцать признаков того, что ваш банк вас грабит», «Самые богатые люди в мире не платят налогов. Вы тоже так можете!», «Какой вы тиран? Пройдите наш тест».

Майя перешла в архивный раздел и отыскивала старое видео. Она и сама не могла бы сказать, зачем пошла на сайт Кори за этим видеороликом. На «Ютьюбе» его можно было найти в десятке вариаций. Она могла бы зайти туда, но почему-то ей показалось правильным обратиться к первоисточнику.

Кто-то слил Кори Радзински запись того, что начиналось как спасательная операция. Четверых солдат, троих из которых Майя знала и любила, подстрелили в засаде в Аль-Каиме, неподалеку от сирийско-иракской границы. Двое были еще живы, но изнемогали под градом вражеского огня. К ним приближался черный джип. Майя с Шейном, пролетая на полной скорости на вертолете огневой поддержки, услышали полные ужаса крики о помощи этих двоих уцелевших. У них были совсем молодые голоса, чудовищно молодые, и Майя знала, что голоса четверых погибших звучали бы точно так же.

Поймав цель в перекрестье видеоискателя, они ждали подтверждения от командования, но, несмотря на то что все считают военную технику образцом совершенства, радиосигнал Объединенного штаба в Аль-Асаде то и дело прерывался. А вот мольбы двух солдат о спасении – нет. Майя с Шейном ждали. Оба отчаянно матерились, требуя ответа от штаба, когда двое уцелевших дико закричали.

Именно в тот момент Майя и выпустила по черному джипу «Хеллфаер AGM-114». Джип взлетел на воздух. Подоспевшая пехота спасла солдатиков. Оба были ранены, но в итоге выжили.

Тогда это казалось абсолютно правильным решением.

У Майи зазвонил мобильник. Она поспешно закрыла браузер, как будто ее застали за просмотром порнографии. На экранчике высветилось слово «Фарнвуд», название фамильного особняка Беркеттов.

– Слушаю?

– Майя, это Джудит.

Мать Джо. С момента смерти ее сына прошло уже больше недели, а тон у Джудит остался все таким же убитым, как будто каждое слово давалось ей непосильным трудом.

– А, привет, Джудит.

– Я просто хотела узнать, как поживаете вы с Лили.

– Спасибо за заботу. У нас с Лили все нормально.

– Рада слышать, – отозвалась Джудит. – Я еще хотела напомнить, что завтра ровно в девять утра Хизер Хауэлл огласит в библиотеке Фарнвуда завещание Джо.

Богатые даже комнатам в своих особняках дают отдельные названия.

– Да, спасибо, я буду.

– Прислать за тобой машину?

– Не надо, я сама доберусь.

– Может, захватишь с собой Лили? Мы были бы рады ее повидать.

– Давайте посмотрим по ситуации, ладно?

– Разумеется. Я... я очень по ней соскучилась. Она так похожа на... Ладно, увидимся завтра.

Джудит удерживалась от слез, пока не повесила трубку.

Майя какое-то время сидела неподвижно. Может быть, она и в самом деле возьмет с собой Лили. И Изабеллу тоже. Кстати, надо проверить скрытую камеру. Майя не проверяла ее уже два дня, хотя что в этом такого? Она очень устала. Камера вполне могла подождать до утра.

Майя умылась. В спальне стояло большое кресло – кресло Джо, – и она устроилась в нем с книгой. Это была новая биография братьев Райт. Она пыталась сосредоточиться, но никак не могла отделаться от мыслей.

Кори Радзински вернулся в Штаты. Совпадение это или нет?

«Так ты решила разбираться со всем в одиночку?»

И тут Майя почувствовала: начинается. Она захлопнула книгу и нырнула в постель. Потом выключила свет и стала ждать.

Сначала ее бросило в пот, затем пришли видения, но хуже всего всегда были звуки. Звуки. Непрекращающийся шум, бесконечная какофония, состоящая из стрекота вертолетов, прерываемых помехами реплик в радиоэфире, артиллерийский огонь – и, разумеется, человеческие голоса: смех, подначки, паника, крики.

Майя зарылась в подушку, но от этого стало только хуже. Эти звуки не просто окружали ее. Они не просто отзывались эхом и многократно повторяли друг друга. Они раскалывали череп изнутри. Разрывали мозг, изрешечивая ее мечты, мысли и желания, как горячая шрапнель.

Майя подавила крик. В этот раз ее накрыло всерьез. Без помощи тут было не обойтись.

Она открыла ящик прикроватной тумбочки, вытащила флакончик с клонопином и проглотила две таблетки.

Транквилизатор не прекратил эту какофонию, но приглушил шум настолько, что ей все-таки удалось уснуть.

Проснулась Майя с мыслью о том, что нужно проверить скрытую камеру.

Она всегда просыпалась точно без двух минут пять утра. Некоторые утверждали, что Майя относится к числу тех счастливиц, у которых есть встроенный будильник, но если это и правда, ее внутренний будильник, установленный исключительно на четыре часа пятьдесят восемь минут, невозможно было отключить. Даже в те ночи, когда Майя засиживалась допоздна и отчаянно хотела урвать хотя бы несколько лишних минуток сна, если она пыталась переустановить свой внутренний будильник на чуть более раннее или чуть более позднее время, его настройки неумолимо возвращались к раз и навсегда установленным цифрам.

Все это началось во время начальной армейской подготовки. По расписанию подъем у них был в пять ноль-ноль, и в то время как большинство ее однокашников-новобранцев стонали и мучились, Майя бодрствовала уже целых две минуты к моменту неизменного и малоприятного появления сержанта.

Заснув, а лучше сказать – вырубившись накануне вечером, она спала крепко. Как ни странно, демоны, терзавшие Майю, крайне редко приходили к ней во сне – ей не снились кошмары, она не металась в постели и не просыпалась в холодном поту. Если ей что-то и снилось, она никогда не помнила этих снов, а значит, спала спокойно, или же подсознание милосердно позволяло ей позабыть все, что происходило в этих снах.

Майя нащупала на прикроватной тумбочке резинку и стянула волосы в хвост на затылке. Джо любил, когда она завязывала хвост.

– Мне нравится, как вылеплено твое лицо, – говорил он. – Открывай его как можно больше, я хочу видеть его целиком.

Он любил играть ее хвостом, а иногда, в определенных случаях, легонько за него тянул, но это уже совсем другая тема.

Майя почувствовала, как запылали у нее щеки.

Она проверила телефон. Важных сообщений не было. Она свесила ноги с кровати и прошлепала по коридору в комнату Лили. Малышка сладко спала. Для Майи это не стало неожиданностью. В области встроенных будильников Лили пошла в отца: тот никогда не упускал возможности поспать подольше.

На улице было еще темно. В кухне пахло выпечкой: по всей видимости, Изабелла постаралась. Сама Майя не умела ни готовить, ни печь, и вообще согласилась бы встать к плите исключительно под дулом пистолета. Многие ее друзья и подруги обожали готовить, что забавляло Майю, поскольку на протяжении многих поколений, если не всего существования человечества, стряпня считается занятием нудным и утомительным, от которого все любыми силами стараются увильнуть. Майя не помнила, чтобы хоть раз читала в исторических книгах про монарха, лорда, да и вообще самого занюханного представителя аристократии, который с удовольствием проводил бы время на кухне. Есть? Пожалуйста. Наслаждаться изысканными яствами и вином? Сколько угодно. Но готовить пищу? Эта низменная обязанность – удел прислуги.

Майя задумалась, не пожарить ли ей на завтрак яичницу с беконом, но в конце концов лень победила и она решила ограничиться хлопьями с молоком. Сидя за столом, она старалась не думать о предстоящем оглашении завещания. Никаких неожиданностей она не

предполагала. Перед свадьбой Майя подписала брачный контракт – «Так уж у нас, Беркеттов, заведено, кто отказывается подписывать брачный договор, тот остается без наследства», – а когда на свет появилась Лили, Джо распорядился, чтобы в случае его смерти все его имущество было передано трастовому фонду в пользу их дочери. Майю такой расклад вполне устраивал.

В шкафчике хлопьев не обнаружилось. Черт! Изабелла, помнится, ворчала, что в них слишком много сахара. Неужели она не ограничилась словесным выражением недовольства и выкинула их? Майя направилась к холодильнику и вдруг остановилась как вкопанная.

Изабелла.

Скрытая камера.

Майя проснулась с этой мыслью, что было странно. Да, как правило, она проверяла камеру ежедневно, но иногда могла и позабыть. Это никогда не казалось ей настоящей необходимостью. Ни разу камера не запечатлела ничего хоть сколько-нибудь подозрительного. Майя обычно просматривала записи в режиме ускоренного воспроизведения. Смущало ее только одно: слишком уж бодрый и радостный вид Изабеллы. Для нее это было несвойственно. Да, ее лицо зажигалось радостью при виде Лили, но в обычном состоянии оно обладало выразительностью каменного истукана. На улыбки Изабелла никогда не была щедра.

И тем не менее на записях, сделанных скрытой камерой, девушка постоянно улыбалась. Она была идеальной няней, а ведь, взглянем правде в глаза, идеальных людей не существует в природе. Совсем. У каждого из нас за душой есть грешки, разве не так?

Получается, Изабелла знала о существовании камеры?

Ноутбук Майи и картридер, который дала ей Эйлин, лежали в рюкзаке. Когда-то Майя носила свой армейский рюкзак – сшитый из бежевого нейлона, со множеством карманов, – но обнаружила, что точно такие рюкзаки, купленные в Интернете, таскают многочисленные пареньки, мечтающие об армии, и перестала носить его, потому что это показалось ей слишком нарочитым. Джо купил ей кевларовый рюкзак для ноутбука фирмы «Туми». Майя считала, что покупка стоила непомерных денег, пока не увидела, сколько те самые парни, мечтающие стать военными, выкладывали за свои рюкзаки в Интернете.

Майя взяла фоторамку, нажала неприметную кнопку сбоку и извлекла карту памяти. Допустим, Изабелла засекла камеру. Будет ли совсем уж натяжкой такое предположить? Вовсе нет. При наличии некоторой проницательности – а Изабелла этим качеством обладала – вполне логично задаться вопросом, с чего это вдруг твоя работодательница ни с того ни с сего обзавелась новой фоторамкой. При наличии некоторой проницательности – а Изабелла, как мы помним, этим качеством обладала – вполне логично задаться вопросом, с чего это вдруг эта новая фоторамка появилась у нее в тот самый день, когда твоя работодательница похоронила своего убитого мужа.

Или, даже при наличии некоторой проницательности, этими вопросами задаваться не обязательно? Бабушка надвое сказала.

Майя вставила карту памяти в картридер и воткнула его в USB-порт. Почему ее вообще так тревожит этот вопрос? Если ее подозрения не беспочвенны и Изабелла действительно догадалась, что новая фоторамка – нечто большее, нежели простая коллекция семейных фотоснимков, тогда, разумеется, она будет демонстрировать на камеру идеальное поведение. Не совсем же она дура, чтобы делать что-то предосудительное. Собственно, весь смысл скрытой камеры для слежения за няней заключался в том, чтобы камера оставалась скрытой.

Как только наличие камеры переставало быть для няни секретом, вся затея становилась в лучшем случае сомнительной.

Майя нажала на кнопку воспроизведения. Видеозапись включалась при срабатывании датчика движения, так что началась она с того, что в кадре появилась Изабелла с чашкой кофе, которая, разумеется, была плотно закрыта крышкой-непроливайкой. У малышки Лили не было ни малейшего шанса облиться горячим напитком. Изабелла подняла с пола плюшевого жирафа Лили и двинулась в направлении кухни. Запись оборвалась.

– Мамочка!

Эта модель камеры не записывала звук, так что Майя оторвалась от экрана ноутбука и взглянула на стоящую на верхней ступеньке лестницы дочь. При виде малышки ее затопило знакомое ощущение теплоты. Как бы цинично она ни относилась ко многим аспектам родительства, то чувство, когда при взгляде на своего ребенка весь остальной мир вокруг меркнет и все, кроме любимого личика, отступает далеко на второй план, – его Майя понимала.

– Привет, золотко.

Майя где-то читала, что лексикон среднестатистической двухлетки состоит примерно из пятидесяти слов. Лили в эту статистику вполне укладывалась. «Еще» было в этом лексиконе едва ли не главным словом. Майя поспешила подняться по лестнице и, перегнувшись через специальное защитное ограждение, подхватила Лили на руки. Малышка держала детскую книжку из толстого картона. На сей раз это была урезанная версия одного из классических стишков доктора Сьюза^[3] «Рыбка раз и рыбка два». В последнее время она таскала эту книжку с собой повсюду, как другие дети таскают плюшевого мишку. То, что ее дочь предпочитала мягким игрушкам книги, Майю безмерно радовало.

– Ты хочешь, чтобы мамочка почитала тебе книжку?

Лили кивнула.

Майя отнесла дочку вниз и усадила за кухонный стол. На экране ноутбука по-прежнему шла видеозапись. Майя уже усвоила, что маленькие дети любят повторения. У них еще нет тяги к новым впечатлениям. У Лили собралась целая коллекция таких картонных книжек. Майе нравились захватывающие истории Истмана вроде «Ты моя мама?» и «Рыбка из пруда»: в обеих были и пугающие моменты, и неожиданные концовки. Лили слушала – лучше хоть какая-нибудь книга, чем совсем никакой, – но упорно возвращалась к стихам и рисункам доктора Сьюза, и, по правде говоря, кто стал бы ее за это винить?

Майя бросила взгляд на монитор, на котором продолжала проигрываться видеозапись. На экране Лили с Изабеллой сидели рядышком на диване. Изабелла по одному скармливала Лили крекеры в виде крохотных рыбок – ни дать ни взять дрессировщик, вознаграждающий циркового тюленя рыбешкой за хорошее выступление. Крекеры, вспомнила Майя и, достав из кладовки хрустящий пакетик, высыпала часть содержимого на стол. Лили немедленно принялась поедать их один за другим.

– Тебе еще что-нибудь дать?

Лили покачала головой и ткнула пальцем в книгу:

– Читать.

– Не «читать», а «мама, почитай, пожалуйста...».

Майя заставила себя остановиться. Довольно. Она взяла книгу, открыла ее на первой странице, прочитала про рыбку раз и рыбку два, перевернула страницу. Она дочитала уже до толстой рыбы в желтой шляпе, когда зацепилась взглядом за что-то, промелькнувшее на

экране.

Майя замолчала.

– Еще читать, – потребовала Лили.

Майя наклонилась к монитору.

Камера снова включилась, но обзор был полностью перекрыт чем-то непонятным. Но каким образом? Майя решила, что смотрит на спину Изабеллы. Изабелла стояла прямо перед рамкой, и поэтому Майя ничего не видела.

Нет.

Изабелла была слишком миниатюрной. Рамка находилась примерно на уровне ее головы, но никак не спины. Кроме того, теперь Майя могла различить цвет. Вчера Изабелла была в красной блузке. А рубашка, которая была на том, чья спина заслоняла обзор, была зеленого цвета.

Травянисто-зеленая.

– Мамочка?

– Секундочку, солнышко.

Человек в зеленой рубашке отодвинулся в сторону и исчез из виду. Теперь Майя хорошо видела диван. Лили сидела на нем в одиночестве. В руке у нее была эта самая книга, она листала ее, делая вид, будто читает.

Майя терпеливо ждала.

Слева – со стороны кухни – в кадр всплыла фигура. Не Изабелла.

Это был мужчина.

Во всяком случае, силуэт был мужской. Он по-прежнему стоял почти вплотную к камере, и с этого угла невозможно было разглядеть его лицо. У Майи мелькнула было мысль, что это мог быть Гектор, на минутку заскочивший в дом – попить воды или еще за чем-нибудь, – но Гектор ходил в толстовке с комбинезоном. А на этом типе были голубые джинсы и зеленая – *травянисто-зеленая* – рубашка...

На экране Лили с дивана вскинула глаза на мужчину в зеленой рубашке. При виде расплывшейся по лицу дочери улыбки в груди у Майи похолодело. Лили не жаловала чужих. Значит, этот мужчина... этот незнакомец в странно знакомой травянисто-зеленой рубашке...

Мужчина двинулся к дивану. Теперь к камере была обращена его спина, полностью заслонявшая от Майи ее дочь. На Майю вдруг накатила паника, она заметалась, дернулась вправо, влево, как будто это могло помочь ей увидеть свою девочку и убедиться, что она по-прежнему сидит все там же, на диване, с книжкой доктора Сьюза в руках. У нее было такое чувство, будто дочери грозила опасность, и эта опасность никуда не денется, пока Майя не сможет хотя бы увидеть ее. Разумеется, никакой опасности в реальности не было. Майя отдавала себе в этом отчет. Она смотрела видеозапись того, что уже случилось, а не живую трансляцию, ее дочь сейчас сидела рядом с ней, живая и с виду вполне довольная жизнью. Вернее, довольна жизнью она была до того, как ее мать умолкла и уставилась в экран компьютера.

– Мамочка?

– Одну секундочку, солнышко, ладно?

Было совершенно очевидно, что мужчина в знакомых голубых джинсах и травянисто-зеленой рубашке – именно так он сам всегда ее называл: не просто «зеленая», или «светло-зеленая», или «ярко-зеленая», а «травянисто-зеленая» – не похитил ее дочь и не причинил ей никакого вреда, так что беспокойство, которое переполняло Майю, казалось беспочвенным,

и вообще она раздула из мухи слона.

Мужчина на экране компьютера отодвинулся в сторону.

Теперь Майя снова видела Лили. Казалось, ее страх должен был улетучиться. Но тут случилось нечто непредвиденное. Мужчина развернулся и опустился на диван рядом с Лили. И, оказавшись лицом к камере, улыбнулся.

Не завизжать Майе удалось лишь чудом.

Вдох-выдох, вдох...

Майя, всегда сохранявшая в бою хладнокровие, всегда умудряющаяся найти внутри себя какое-то потайное место, благодаря которому ее пульс оставался ровным, а выбросы адреналина не могли парализовать ее, сейчас отчаянно пыталась отыскать это место. Эта знакомая одежда, эти голубые джинсы и в особенности эта травянисто-зеленая рубашка должны были подготовить ее к вероятной, хотя в данном случае куда вернее было бы сказать – невероятной развязке. Поэтому она не завизжала. И даже не вскрикнула.

Крик превратился в свинцовую плиту, которая будто легла на ее грудь, не давая дышать. В холодок, разливающийся по жилам. В слегка дрожащие губы.

Не веря своим глазам, Майя смотрела, как на экране компьютера Лили забирается на коленки к своему погибшему отцу.

Дальше смотреть было практически нечего.

Едва Лили успела забраться на колени к якобы Джо, как он поднялся и унес ее из зоны видимости. Запись остановилась тридцать секунд спустя, когда датчик движения выключил скрытую камеру.

На этом все закончилось.

Когда камера сработала в следующий раз, Изабелла с Лили вошли в комнату из кухни и принялись играть, в точности как на множестве предыдущих записей. Майя просмотрела запись до конца на ускоренном воспроизведении, но остаток дня практически ничем не отличался от остальных дней. Только Изабелла и Лили. Ни мертвых мужей, ни кого-либо еще.

Она вернулась и просмотрела видео во второй раз, потом в третий.

– Книжку!

Это была Лили, которая уже начинала терять терпение. Майя обернулась к дочери и задумалась, как ей сформулировать вопрос.

– Солнышко, – произнесла она медленно, – ты видела папу?

– Папу?

– Да, Лили. Ты видела папу?

Майе не хотелось расстраивать дочку, но, с другой стороны, поворот событий был далеко не ординарный. Как быть? Что придумать? Майя не видела, как без этого обойтись. Она снова включила видео и показала его Лили. Малышка смотрела как замороженная. Увидев на экране Джо, она радостно пискнула:

– Папа!

– Да, – подтвердила Майя, усилием воли заглушив боль, которую причинила ей радость дочери. – Ты видела папу?

Девочка ткнула пальчиком в экран:

– Папа!

– Да, это папа. Он приходил сюда вчера?

Лили молча смотрела на нее.

– Вчера, – повторила Майя. Она встала и подошла к дивану. Потом села точно на то место, где сидел якобы Джо – она даже про себя не могла называть его иначе. – Папа вчера здесь был?

Лили не понимала ее. Майя пыталась говорить бодрым голосом, пыталась превратить это во что-то вроде веселой игры, ни в коем случае не допустить, чтобы прорвалось наружу ее отчаяние, но или притворялась она неубедительно, или чутье у ее малышки было развито куда сильнее, чем Майя себе это представляла.

– Мама, перестань.

Ты ее расстраиваешь.

Майя изобразила на лице фальшивую улыбку от уха до уха и подхватила дочь на руки. Она понесла малышку по лестнице вверх, пританцовывая и смеясь, пока с маленького личика не стерлись последние следы недовольства. Она усадила Лили на кровать и включила телевизор. По каналу «Ник Джуниор» показывали «Гуппи и пузырики», один из любимых мультиков Лили, и хотя Майя и давала себе слово не использовать телевизор в

качестве няньки – клятва, которую дают себе все родители и которую все родители нарушают, – но сейчас, похоже, был такой случай, когда в том, чтобы ненадолго воспользоваться им для переключения внимания малышки, не было ничего страшного.

Оставив Лили на кровати, Майя поспешила к шкафу Джо, но перед дверью остановилась в нерешительности. С тех пор как он погиб, она ни разу не открывала ее. Слишком мало прошло времени. Впрочем, сейчас, разумеется, было не до сантиментов. Убедившись, что взгляд Лили прикован к телевизору, Майя открыла дверцу шкафа и включила подсветку.

Джо любил одежду и содержал ее примерно в таком же порядке, в каком Майя содержала свое оружие. Его костюмы были аккуратно развешаны на вешалках, каждую из которых отделяло от соседней ровно три дюйма. Парадные сорочки рассортированы по цветам. Брюки хранились на вешалках с зажимами, фиксирующими манжеты брючин и позволяющими им висеть в полную длину, а ни в коем случае не на тех, которые предполагали необходимость складывать их пополам и перекидывать через перекладину, чтобы не дай бог не образовались заломы.

Одежду для себя Джо предпочитал покупать сам. Все, что пыталась ему дарить Майя, почти никогда не приходилось ему по вкусу. Исключение было всего одно: травянисто-зеленая рубашка из твила фирмы «Мудз оф Норвей», которую она заказала через Интернет. Эта рубашка, если ее не обманывали собственные глаза, что казалось вполне возможным, и была на якобы Джо в той видеозаписи. Майя точно знала, где он ее хранил.

Там ее не оказалось.

И снова у Майи не вырвалось ни вскрика, ни вздоха. Зато теперь она знала это наверняка.

Кто-то побывал в доме. И этот кто-то рылся в шкафу Джо.

Десять минут спустя Майя смотрела, как к двери приближается человек, способный дать ей ответы на вопросы, которые у нее были.

Изабелла.

Девушка вчера провела в доме весь день, занимаясь исключительно присмотром за Лили, так что, по крайней мере теоретически, она должна была обратить внимание, если бы произошло что-то необычное – например, объявился покойный муж Майи, чтобы произвести ревизию у себя в шкафу и поиграть с их дочерью.

Из окна своей спальни Майя наблюдала за тем, как Изабелла идет по дорожке к дому. Она попыталась оценить приближающуюся няню с тех позиций, с каких оценивала бы любого врага. С виду она не была вооружена ничем, кроме сумочки, хотя, разумеется, в ней могло находиться оружие. Сумку девушка крепко прижимала к себе, точно опасалась, как бы ее не вырвали из рук, – впрочем, это была ее всегдашняя манера. Изабелла не отличалась излишней теплотой, за исключением, разумеется, тех областей, которые были для нее важны. Например, с Лили. Джо она тоже любила – как преданный работник любит своего благодетеля, Майю же лишь терпела, как незваную гостью. С преданными работниками такое иной раз случается. Они относятся к чужакам ревнивее и заносчивей, чем их состоятельные работодатели.

Действительно ли Изабелла сегодня держалась настороженнее, чем обычно, или Майе это лишь показалось?

Сложно сказать. У Изабеллы, с ее бегающими глазами, каменным лицом и исходящим от нее ощущением закрытости, всегда был такой вид. Но вот действительно ли сегодня этой

настороженности в ней было больше, или Майя уже заранее себя накрутила?

Изабелла открыла заднюю дверь своим ключом. Майя по-прежнему сидела наверху. Ждала.

– Миссис Беркетт?

Молчание.

– Миссис Беркетт?

– Сейчас мы спустимся.

Майя взяла пульт и выключила телевизор. Она ожидала, что Лили будет возмущаться, но этого не произошло. Лили слышала голос Изабеллы, и ей не терпелось скорее спуститься вниз. Майя подхватила дочку на руки и двинулась по ступенькам.

Изабелла в кухне мыла кофейную чашку. Услышав шаги, она вскинула голову. При виде Лили – не их обеих, а только Лили – ее каменное, настороженное лицо расплылось в улыбке. Улыбка была добрая, подумалось Майе, вот только... не такая широкая, как обычно?

Так, хватит.

Лили потянулась к Изабелле. Та выключила воду, обтерла ладони полотенцем и двинулась к ним. Протянув руки к Лили, девушка издала радостный звук.

– Как дела, Изабелла? – спросила Майя.

– Хорошо, миссис Беркетт, спасибо.

Изабелла вновь поманила Лили, и Майя с трудом справилась с искушением прижать малышку к себе. Эйлин же спрашивала ее, доверяет ли она няне. Насколько вообще можно доверить кому-то своего ребенка, ответила тогда Майя. Но теперь, после того, что она увидела на том видео...

Изабелла подхватила Лили у нее из рук. Майя не стала ей препятствовать. Ни слова больше не говоря, Изабелла с Лили на руках двинулась в кабинет. Там они устроились на диване.

– Изабелла?

Девушка вскинула голову, как будто оклик испугал ее. Улыбка застыла у нее на лице.

– Да, миссис Беркетт?

– Можно тебя на пару слов?

Лили сидела у нее на коленях.

– Прямо сейчас?

– Да, будь так добра, – сказала Майя, и собственный голос вдруг показался ей чужим и незнакомым. – Я хочу кое-что тебе показать.

Изабелла осторожно пересадила малышку с колен на диван. Потом сунула ей в руки картонную книжку и, отряхнув юбку, медленно двинулась к Майе, как будто ожидала удара.

– Да, миссис Беркетт?

– Здесь кто-нибудь вчера был?

– Я не очень вас понимаю.

– Я имею в виду, – произнесла Майя, стараясь говорить ровным тоном, – был ли здесь вчера кто-нибудь еще, кроме вас с Лили?

– Нет, миссис Беркетт. – Ее лицо снова окаменело. – Кого вы имеете в виду?

– Кого угодно. Гектор, например, не заходил в дом?

– Нет, миссис Беркетт.

– Значит, здесь никого не было?

– Никого.

Майя перевела взгляд на компьютер, потом вновь на Изабеллу.

– А ты сама куда-нибудь выходила?

– Из дома? Мы с Лили ходили на детскую площадку. Мы каждый день туда ходим.

– И больше вы из дома не выходили?

Изабелла вскинула глаза, как будто пыталась припомнить.

– Нет, миссис Беркетт.

– А одна ты из дома не отлучалась?

– Без Лили? – прямо-таки ужаснулась Изабелла, как будто ей нанесли чудовищное оскорбление. – Что вы, миссис Беркетт, разумеется, нет.

– Ты оставляла ее на какое-то время без присмотра?

– Я вас не понимаю.

– Это простой вопрос, Изабелла.

– Я не понимаю, в чем дело, – ответила та. – Зачем вы задаете мне все эти вопросы? Вам не нравится, как я делаю свою работу?

– Я этого не говорила.

– Я никогда не оставляю Лили без присмотра. Никогда. Разве что во время ее дневного сна, я могу спуститься вниз и немного прибраться...

– Я не это имею в виду.

– Тогда что вы имеете в виду? – Изабелла внимательно посмотрела на Майю.

Тянуть дольше никаких причин не было.

– Я хочу кое-что тебе показать.

На кухонном столике стоял ноутбук. Майя взяла его в руки, а Изабелла придвинулась ближе.

– Я установила в гостиной камеру, – начала Майя.

На лице Изабеллы отразилось замешательство.

– Мне ее дала подруга, – зачем-то пустилась в объяснения Майя, хотя на самом деле почему она должна была перед кем-то объясняться? – Она записывает то, что происходит в доме, пока меня нет.

– Камера?

– Да.

– Но я ни разу не замечала камеры, миссис Беркетт.

– Ты и не должна была ее замечать. Это скрытая камера.

Изабелла бросила взгляд в сторону кабинета.

– Ее еще называют «нянина камера», – продолжала Майя. – Помнишь новую фоторамку, которая стоит на полке?

Взгляд Изабеллы уперся в полку.

– Да, миссис Беркетт.

– Так вот, на самом деле это камера.

Изабелла повернула голову обратно к ней.

– Значит, вы за мной шпионили?

– Я наблюдала за моим ребенком, – отрезала Майя.

– Но меня вы об этом в известность не поставили.

– Да, не поставила.

– Почему?

– Не надо сразу становиться в оборонительную позицию.

– В самом деле? – вскинулась Изабелла. – Вы мне не доверяли?

– А ты на моем месте доверяла бы?

– Что?

– Дело тут не в тебе, Изабелла. Лили – моя дочь. Я отвечаю за ее благополучие.

– И вы считаете, что, если будете за мной шпионить, это пойдет ей на пользу?

Майя развернула видео на весь экран и включила запись на воспроизведение.

– До сегодняшнего утра я полагала, что это не повредит.

– И что же случилось сегодня утром?

Майя развернула ноутбук экраном к Изабелле.

– Вот, смотри.

Сама Майя пересматривать видео не стала. Она уже и так просмотрела его достаточно раз. Вместо этого она сосредоточилась на лице Изабеллы, пытаясь уловить признаки смущения или нечистой совести.

– И что я должна увидеть?

Майя бросила взгляд на экран. Якобы Джо только что исчез из кадра, после того как перекрыл своей спиной обзор.

– Просто смотри дальше.

Изабелла сощурилась. Майя старалась, чтобы ее дыхание оставалось ровным. Говорят, никогда нельзя знать наверняка, кто как поведет себя перед готовой разорваться гранатой. Можно только предполагать: вот стоишь ты со своими товарищами по оружию, и вдруг вам под ноги бросают гранату. Кто обратится в бегство? Кто бросится наземь ничком? Кто накроет гранату своим телом и пожертвует собой? Можно попытаться строить предположения, но, пока граната не приземлилась у ваших ног, наверняка никто не может сказать ровным счетом ничего.

Майя не раз подтверждала свою отвагу перед товарищами. Они знали, что в бою она способна оставаться хладнокровной, спокойной, собранной. Она была лидером и раз за разом демонстрировала эти качества.

Но, как ни странно, ее лидерские качества и хладнокровие никак не проявились в мирной жизни. Эйлин рассказывала ей про своего сынишку Кайла, который был образцом аккуратности и организованности в своем Монтессори-саду^[4] – и полной противоположностью дома. Похоже, что-то в этом духе случилось и с Майей.

Вот и сейчас, стоя перед Изабеллой, которая смотрела, как появившийся на экране якобы Джо сажает Лили к себе на колени, и на лице девушки при этом не дрогнул ни единый мускул, Майя почувствовала, как ее решимость дала трещину.

– Ну? – сказала она.

Изабелла в упор взглянула на нее:

– Что – ну?

У Майи потемнело в глазах.

– Что значит это твое «что – ну»?

Изабелла вжала голову в плечи.

– Как ты это объяснишь?

– Я не понимаю, о чем вы.

– Хватит играть со мной в игры, Изабелла.

Та отступила на шаг назад.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Ты посмотрела видео?

– Конечно.

– Значит, ты видела того мужчину?

Изабелла ничего не ответила.

– Так ты видела того мужчину или нет?

Изабелла упрямо молчала.

– Я задала тебе вопрос, Изабелла.

– Я не понимаю, что вы от меня хотите.

– Ты видела его или нет?

– Кого?

– Что значит – кого? Джо! – Майя бросилась к Изабелле и схватила ее за грудки. – Каким образом он оказался в доме?

– Пожалуйста, миссис Беркетт! Вы меня пугаете!

– Ты что, не видела Джо? – Майя рванула Изабеллу к себе.

Изабелла посмотрела ей прямо в глаза.

– А вы что, его видели? – Она говорила еле слышно, практически шепотом. – Вы хотите сказать, что видели на видео Джо?

– А ты... ты его не видела?

– Пожалуйста, миссис Беркетт, – взмолилась Изабелла. – Вы делаете мне больно!

– погоди, ты хочешь сказать, что...

– Не трогайте меня!

– Мамочка...

Это была Лили. Майя перевела взгляд на дочку. Изабелла воспользовалась этой возможностью и, отступив назад, прижала ладонь к горлу, как будто ее душили.

– Все хорошо, солнышко, – сказала Майя девочке. – Все хорошо.

– Мы с мамой просто так играли, – подала голос Изабелла, делая вид, что не может отдышаться.

Лили переводила взгляд с одной на другую. Правая рука Изабеллы по-прежнему прикрывала горло, с излишней театральностью потирая его. Майя обернулась к ней. Та быстро вскинула руку, делая Майе знак не приближаться.

– Мне нужны ответы! – потребовала Майя.

Изабелла медленно кивнула.

– Ладно, – произнесла она, – только, пожалуйста, дайте мне воды.

Майя поколебалась, потом подошла к раковине, включила воду и, открыв шкафчик, вытащила оттуда стакан. Ей вдруг пришла в голову мысль о том, что это Эйлин снабдила ее камерой. С этой мыслью она подставила стакан под струю воды, налила его до половины и обернулась к Изабелле, как вдруг раздалось странное шипение. Майя вскрикнула от острой боли, неожиданно пронзившей ее. Словно тысячи крохотных стеклянных осколков вонзились разом в ее глаза. Колени у Майи подогнулись, и она рухнула на пол. Шипение. Сквозь невыносимое жжение в глазах, сквозь нечеловеческую боль в ее затуманенном болью мозгу родился ответ. Изабелла пшикнула чем-то ей в лицо. Перцовый спрей. Он не только щипал глаза, но и разъедал слизистые оболочки носа, рта и легких. Майя попыталась задержать дыхание, чтобы спрей не проник в легкие, заморгала часто и сильно в надежде на то, что слезы смоют едкую взвесь. Но уже не было ни спасения, ни облегчения. Майя не могла сдвинуться с места. Послышался стремительный топот, потом хлопнула дверь. Изабелла

сбежала.

– Мамочка?

Майе удалось с горем пополам добраться до ванной.

– С мамочкой все в порядке, малышка. Нарисуй мне какую-нибудь картинку, ладно? Я сейчас приду.

– Изабелла?

– С Изабеллой тоже все в порядке. Она скоро вернется.

На то, чтобы нейтрализовать действие спрея, ушло больше времени, чем Майя рассчитывала. Внутри у нее все клокотало от ярости. Первые десять минут она была совершенно обезоружена, бессильна противопоставить что-то терзающему ее врагу. В конце концов боль и спазмы утихли. Майя перевела дух. Она промыла глаза водой, намылила лицо жидкостью для мытья посуды, сполоснула под краном. Как она могла повернуться спиной к врагу? Она, профи! Надо же было быть такой дурой! Ее переполняла злость, главным образом на себя. Она ведь почти купилась на спектакль Изабеллы, уже готова была поверить, что та действительно ничего не знает. И непростительно расслабилась. Всего на секунду. И результат не заставил себя ждать. Разве она не видела, как одно крохотное упущение, секундная потеря концентрации стоили людям жизни? Разве не усвоила этот очевидный урок? Ладно, довольно самобичевания. Пора запомнить, сделать выводы и идти дальше. Так каков будет ее следующий шаг? Ответ был вполне очевиден. Дать себе еще несколько минут передышки. Полностью восстановить силы. А потом выследить Изабеллу и заставить ее говорить.

В дверь позвонили.

Майя промыла глаза еще раз и пошла к двери. У нее мелькнула мысль пойти взять пистолет – хватит с нее риска, – но она уже видела, что за дверью маячит физиономия детектива Кирса.

Когда Майя открыла ему дверь, он пристально взгляделся в ее лицо.

– Что за напасть с вами приключилась?

– Получила в лицо струю из перцового баллончика.

– Не понял?

– Это была Изабелла. Моя няня.

– Вы серьезно?

– Нет, я талантливая юмористка. Ничто так не веселит народ, как шутки про нянек с перцовыми баллончиками.

Роджер Кирс обвел комнату взглядом, потом вновь посмотрел на Майю.

– За что?

– Я кое-что увидела на видео со скрытой камеры.

– У вас есть скрытая камера?

– Есть. – И снова в голове у нее мелькнула мысль, что это Эйлин дала ей камеру и даже посоветовала, в каком именно месте ее установить. – Она вмонтирована в фоторамку.

– Господи. Вы обнаружили... что Изабелла что-то сделала с...

– Что? – Ну разумеется, полицейскому на ум первым делом должно было прийти именно это. – Нет, дело не в этом.

– Тогда я не вполне вас понимаю.

Майя задумалась, с какой стороны лучше подойти к этому вопросу, потом решила, что прямота – единственный способ защитить себя в долгосрочной перспективе.

– Проще будет, если вы сами все увидите.

Она направилась к кухонному столу, на котором стоял ноутбук. Кирс двинулся следом. Вид у него был озадаченный. То ли еще будет, подумалось ей.

Майя развернула ноутбук экраном к нему. Потом навела курсор мыши на кнопку воспроизведения и, щелкнув по ней, стала ждать.

Ничего не произошло. Она проверила USB-порт. Карта памяти исчезла.

Майя лихорадочно оглядела островок и пол вокруг него. Впрочем, она уже все поняла.

– Что такое? – спросил Кирс.

Майя сделала несколько равномерных глубоких вдохов. Ей необходимо было во что бы то ни стало сохранять спокойствие. Теперь она продумывала свои действия на два или три шага вперед, как будто снова была на задании. Нельзя просто взять и бездумно расстрелять с воздуха черный джип. Нужно продумать свой ответ. Нужно получить лучшие разведданные, прежде чем предпринимать любые внезапные шаги, способные в одночасье перевернуть всю твою жизнь.

Майя отдавала себе отчет в том, как это прозвучит. Если она выложит начистоту, что видела на той записи, Кирс решит, что она спятила. Черт, да даже она сама, обкатывая эти слова в уме, понимала, что они кажутся полным бредом. Голова после перцового спрея по-прежнему была словно ватой набита. Что вообще здесь произошло? Была ли она сама в своем уме?

Так, не надо бежать впереди паровоза.

– Миссис Беркетт?

– Я же просила вас называть меня Майей.

Подтверждение ее безумного утверждения – карта памяти – исчезло. Ее забрала Изабелла. Пожалуй, лучше Майе разобраться со всем этим самостоятельно. Но с другой стороны, если она сейчас не расскажет ему об этом, а все снова всплывет...

– Видимо, ее забрала Изабелла.

– Что забрала?

– Карту памяти.

– После того, как брызнула вам в лицо из перцового баллончика?

– Да, – ответила Майя, стараясь придать своему голосу вескости.

– Значит, она вывела вас из строя, схватила карту, а потом сбежала?

– Да.

Кирс кивнул.

– И что же было на этой карте?

Майя выглянула в кабинет. Лили была полностью поглощена складыванием гигантского пазла из четырех частей с какими-то зверюшками.

– Там был мужчина.

– Мужчина?

– Да. На видео. Лили сидела у него на коленках.

– Ого! – покачал головой Кирс. – Надо полагать, мужчина был незнакомый?

– Нет.

– Вы его узнали?

Майя кивнула.

– И кто же это был?

– Вы мне не поверите. Решите, что я брежу, и не без оснований.

– А вы все-таки попробуйте.

– Это был Джо.

К его чести, Кирс не стал ни строить гримас, ни ахать, ни делать вид, будто второй такой чокнутой не было за всю историю.

– Ясно, – произнес он сдержанным тоном, словно тоже пытался сохранить самообладание. – Выходит, это была старая запись?

– Прошу прощения?

– Вы записали ее, когда Джо был еще жив, а потом, ну, не знаю, думали, что записали что-то поверх нее, а на самом деле...

– Я установила скрытую камеру уже после убийства.

Кирс молчал.

– Там была отметка, что запись сделана вчера, – продолжала Майя.

– Но...

Молчание.

– Вы же понимаете, что этого не может быть, – наконец произнес он.

– Понимаю, – отозвалась Майя.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Убеждать его было бессмысленно. Вместо этого Майя переменила тему.

– Зачем вы пришли?

– Мне нужно, чтобы вы приехали в участок.

– Зачем?

– Этого я вам рассказать не могу. Но это крайне важно.

В детском саду дежурила все та же хорошенькая улыбчивая девушка.

– А я вас помню! – заявила она и, склонившись к Лили, добавила: – И тебя тоже помню.

Привет, Лили!

Лили ничего не ответила. Женщины оставили ее играть в кубики и перешли в офис.

– Я решила записать ее к вам, – сообщила Майя.

– Потрясающе! И когда бы вы хотели начать ходить?

– Прямо сейчас.

– Мм... Видите ли... это не совсем в наших правилах. Обыкновенно заявление рассматривается в течение двух недель.

– Моя няня уволилась без предупреждения.

– Мне очень жаль, но...

– Мисс... простите, забыла ваше имя.

– Китти Шам.

– Точно, мисс Китти. Извините. Китти, вы видите за окном вон ту зеленую машину?

Китти выглянула в окно. Ее глаза сузились.

– Этот человек преследует вас? Вызвать полицию?

– Нет-нет, понимаете, это и есть полицейская машина, просто без опознавательных знаков. Моего мужа недавно убили.

– Я читала об этом, – произнесла Китти. – Соболезную вашему горю.

– Спасибо. Дело в том, что этому полицейскому необходимо мое присутствие в участке.

Я не очень понимаю зачем. Он просто за мной заехал. Так что выбор у меня простой. Я могу взять Лили с собой, чтобы она слушала, как меня допрашивают про убийство ее отца...

– Миссис Беркетт?

– Майя.

– Майя. – Взгляд Китти был по-прежнему устремлен на машину Кирса. – Вы знаете, как загрузить на смартфон наше приложение?

– Знаю.

– Для вашей девочки будет лучше, если вы не станете устраивать долгое эмоциональное прощание.

– Спасибо вам.

Когда они доехали до отделения «Центральный парк», Майя спросила:

– Ну как, теперь вы можете мне рассказать, зачем мы здесь?

За время поездки Кирс не проронил ни слова. Майю это вполне устраивало. Ей нужно было время, чтобы все обдумать: скрытую камеру, видео, Изабеллу, травянисто-зеленую рубашку.

– Мне нужно, чтобы вы поучаствовали в двух опознаниях.

– В опознаниях кого?

– Я не хочу никак влиять на ваши ответы.

– Это не могут быть стрелявшие. Я же вам сказала. На них были лыжные маски.

– Черные, вы сказали. С отверстиями исключительно для рта и глаз?

– Да.

– Вот и хорошо. Идемте со мной.

– Я ничего не понимаю.

– Сейчас вы все увидите.

Пока они шли, Майя заглянула в детсадовское приложение. Оно позволяло оплачивать счета, резервировать время посещения, просматривать расписание занятий, ознакомиться с биографиями всех воспитателей. Но лучше всего в приложении была одна специфическая функция. Именно она в первую очередь и привлекла Майю в выборе детского центра. Она кликнула по нужной иконке. Ей предложили три варианта выбора: красную комнату, зеленую комнату, желтую комнату. Группа, соответствовавшая возрасту Лили, занимала желтую комнату. Майя щелкнула по желтой иконке.

Кирс заглянул в дверь:

– Майя?

– Секунду.

Экран ее телефона загорелся, открыв вид на желтую комнату. Казалось бы, для одного дня Майе должно было хватить видеонаблюдения. Но нет. Она повернула телефон набок, чтобы картинка стала побольше. Лили она увидела сразу. Целую и невредимую. Воспитательница – Майя сделала себе мысленную зарубку попозже поискать упоминания о ней в Интернете и ознакомиться с биографией на сайте – строила с ней и еще с одним мальчиком примерно того же возраста башню из кубиков.

Майю охватило невыразимое облегчение. Она даже практически улыбнулась. Давным-давно надо было настоять, чтобы Лили отдали в подобное заведение. Нанимать няню – собственными руками обрекать себя на зависимость от одного-единственного человека, которого ничто, по сути, не сдерживает и которому никто не мешает творить, что в голову взбредет. А здесь тебе и свидетели, и камеры наблюдения, и социализация. Это же надежней, разве не так?

– Майя? – Это снова выглянул Кирс.

Она закрыла приложение и сунула телефон в карман. Они вошли в кабинет. Внутри оказались еще два человека – женщина-прокурор, занимающаяся этим делом, и мужчина-адвокат. Майя попыталась сосредоточиться, но все события утра по-прежнему крутились у нее в голове. Легкие и слизистая оболочка носа все еще не успели восстановиться после воздействия перцового спрея. Она сопела, как кокаиновый наркоман.

– Я хочу еще раз заявить протест для протокола, – сказал адвокат. У него были длинные волосы, собранные на затылке в хвост до середины спины. – Свидетельница признала, что не видела лиц нападавших.

– Замечание принято, – отозвался Кирс. – Мы с ним согласны.

Хвостатый развел руками.

– Так какова тогда цель?

Майя тоже задавалась этим вопросом.

Кирс дернул за шнурок, и шторка поехала вверх. Кирс наклонился к микрофону и распорядился:

– Введите первую группу.

В комнату вошли шестеро. Все они были в лыжных масках.

– Это глупо, – сказал Хвостатый.

Майя ничего подобного не ожидала.

– Миссис Беркетт, – произнес Кирс официальным тоном, как будто его слова

протоколировались, что показалось Майе весьма вероятным, — вы узнаете кого-нибудь из присутствующих в этой комнате? — Он умолк и выжидательно посмотрел на нее.

— Номер четвертый, — сказала Майя.

— Это бред собачий, — подал голос Хвостатый.

— И по каким же признакам вы опознали номер четвертый?

— «Опознала» — это, пожалуй, слишком сильно сказано, — ответила Майя. — Но он примерно того же телосложения и роста, как человек, застреливший моего мужа. Кроме того, он одет в ту же одежду.

— Еще несколько человек одеты точно так же, — заметил Хвостатый. — Почему вы так уверены?

— Как я сказала, у них другое телосложение и рост.

— Вы уверены?

— Да. Номер второй тоже похож, но у него синие кеды. А на убийце моего мужа были красные.

— Но, точности ради, — продолжал Хвостатый, — вы не можете утверждать наверняка, что номер четыре и есть тот человек, который застрелил вашего мужа. Вы можете утверждать, что, по вашим воспоминаниям, он примерно того же роста и телосложения и одет в похожую одежду...

— Не похожую, — возразила Майя. — А в ту же самую.

— В самом деле? — Хвостатый склонил голову набок.

— Да.

— Вы не можете знать это наверняка, миссис Беркетт. В мире существует больше чем одна пара красных «конверсов», так ведь? То есть, если я поставлю перед вами четыре красных «конверса», вы сможете указать мне ту пару, которая была на одном из нападавших в ночь убийства?

— Нет.

— Спасибо.

— Но одежда не «похожа». Так можно было бы сказать, если бы на нем были белые «конверсы» вместо красных. На номере четвертом надет в точности тот же комплект одежды, как на стрелявшем.

— Это подводит меня к следующему этапу, — продолжал Хвостатый. — Вы не знаете наверняка, что это именно тот человек, который стрелял в вашего мужа, верно? Человек в лыжной маске может быть одет в ту же одежду и быть того же размера и роста, что и стрелявший. Верно?

— Верно, — кивнула Майя.

— Спасибо. — Хвостатый закончил.

Кирс вновь наклонился к микрофону:

— Можете идти. Впустите вторую группу.

Вошли еще шестеро в лыжных масках. Майя внимательно оглядела их.

— Это, скорее всего, номер пятый.

— Скорее всего?

— Номер второй одет точно так же и у него примерно такой же рост и телосложение. Мне кажется, что это номер пятый, но они так похожи друг на друга, что подтвердить это под присягой я не смогла бы.

— Спасибо, — сказал Кирс и, в очередной раз наклонившись к микрофону, добавил: — Это

все, спасибо.

Она вышла за Кирсом из комнаты.

– Что происходит?

– Мы нашли двух подозреваемых.

– И каким же образом?

– По вашему описанию.

– Можете мне показать?

Кирс заколебался, но быстро принял решение.

– Ладно, идемте. – Он подвел Майю к столу с большим монитором, дюймов тридцать по диагонали, если не больше. Они сели. Кирс принялся набирать что-то на клавиатуре. – Мы просмотрели записи всех близлежащих уличных камер видеонаблюдения в ночь убийства в поисках двоих мужчин, которые соответствовали бы вашему описанию. Сами понимаете, на это ушло довольно много времени. Короче говоря, на перекрестке Семьдесят четвертой улицы и Пятой авеню есть один жилой комплекс. Вот смотрите.

На кадре съемки камеры видеонаблюдения были те двое, заснятые сверху.

– Это они?

– Да, – подтвердила Майя. – Или вы хотите, чтобы я выдала вам юридическую заумь про людей сходного телосложения в сходной одежде?

– Нет, это не для протокола. Как видите, здесь они без масок. Едва ли они стали бы разгуливать в них по улицам. Это привлекло бы внимание.

– И все равно, – сказала Майя. – Я не понимаю, каким образом вы вычислили их по съемке с такого угла.

– Знаю, знаю. Эти камеры установлены страшно высоко. Бесит до зубовного скрежета. Не представляете, сколько раз все упиралось в одно и то же. Камера стоит на верхотуре, а преступники обмотаются шарфами до носа или натянут бейсболку с козырьком, и лиц не видно. Но все равно, как только мы засекли их, стало ясно, что они побывали в этом районе. Так что мы продолжили копать.

– И засекли их где-то еще?

Кирс кивнул и вновь принялся выстукивать что-то на клавиатуре.

– Угу. В одном из магазинов «Дуэйн рид» полчаса спустя.

Он вывел на экран видеозапись. На этот раз она была цветная. Тут лица обоих были видны отчетливо. Один оказался чернокожим. Другой был светлее, возможно латинос. Расплатились они наличными.

– Надо же, какие наглые, – заметил Кирс.

– Что? – не поняла Майя.

– Взгляните на время. Эта запись сделана через пятнадцать минут после того, как они застрелили вашего мужа. И чем же они заняты? Не отойдя и на полмили, отправляются покупать «Ред булл» с чипсами.

Майя молчала.

– Наглые, как я и сказал.

– Или я что-то перепутала. – Она повернула к нему голову.

– Вряд ли. – Кирс остановил видео, и оба мужчины застыли. Да, мужчины. Это были молодые мужчины, в этом не могло быть никаких сомнений, но Майе довелось служить со слишком многими их ровесниками, чтобы называть их мальчиками. – Взгляните-ка вот на это.

Он нажал на стрелку на клавиатуре. Застывший кадр приблизился, увеличившись в размерах. Кирс указал на латиноса.

– Это ведь второй парень, верно? Который не стрелял?

– Да.

– Ничего не замечаете?

– Вроде бы нет.

Кирс приблизил кадр еще больше, и теперь в центре внимания оказалась талия парня.

– Взгляните-ка еще раз.

– Он вооружен, – кивнула Майя.

– Верно. У него при себе пистолет. Если приблизить кадр еще сильнее, можно разглядеть рукоятку.

– Не слишком-то старательно он его прячет, – заметила она.

– Вот именно. Интересно, как все ваши друзья-патриоты, сторонники открытого ношения оружия, запели бы, встретив на своей улице эту парочку, вооруженную до зубов.

– Сомневаюсь, что пистолет был приобретен законно, – сказала Майя.

– Разумеется, никакой законностью там и не пахнет.

– Вы нашли его?

– Вы же знаете. – Кирс со вздохом поднялся. – Позвольте представить вам Эмилио Родриго. Для такого юнца послужной список у него впечатляющий. У них обоих. Когда мы арестовали мистера Родриго, «беретта» была при нем. Приобретенная незаконным образом. Он получит за это свой срок. – Кирс умолк.

– Я слышу в вашем голосе «но», – заметила Майя.

– Мы получили ордер и обыскали жилища обоих. Именно там мы нашли одежду, которую вы описали и опознали сегодня.

– Значит, дело пойдет в суд?

– Сомневаюсь. Как совершенно справедливо сказал наш хвостатый друг, это не единственные красные «конверсы» в мире. Такие же есть много у кого. Кроме того, мы не обнаружили лыжных масок, и это кажется мне странным. Ну, то есть они же не стали избавляться от одежды. С чего бы тогда выкидывать лыжные маски?

– Не знаю.

– Не исключено, что они выбросили их в мусорный бак. Ну, сами понимаете. Сразу же. Они стреляют, потом убегают, срывают с себя маски и где-нибудь их выкидывают.

– Звучит вполне логично.

– Да, только мы обыскали все близлежащие мусорные бачки. Впрочем, они могли выкинуть их в какое-нибудь другое место, в канализационный люк например. – Кирс замаялся.

– В чем дело?

– Дело в том, что мы нашли «беретту», как я уже сказал. Но орудие убийства нам найти так и не удалось. Я имею в виду тридцать восьмой.

– Странно было бы ожидать, что они оставят его у себя, разве нет? – Майя отклонила назад.

– Наверное. Вот только...

– Что – только?

– Подобные ребята не всегда выбрасывают оружие. Это вроде бы самое разумное. Но они этого не делают. Оружие – это ценность. Поэтому они используют его повторно. Или

кому-нибудь продают. Что-то в этом роде.

– Но ведь это же довольно громкое дело, так? Не последний человек в городе, шумиха в прессе?

– Верно.

Майя внимательно взглянула на него:

– Но вас все это не убеждает, так ведь? У вас есть своя версия.

– Есть. – Кирс отвел глаза. – Но она звучит как полный бред.

– А что не звучит?

Он принялся расчесывать руку. Видимо, на нервной почве.

– Пули, которые мы извлекли из тела вашего мужа... Мы провели баллистическую экспертизу. Ну, сами понимаете. Чтобы проверить на предмет совпадений с нашей базой данных.

Майя вскинула на него глаза. Кирс продолжал расчесывать руку.

– Судя по выражению вашего лица, – произнесла она, – совпадения вы нашли.

– Нашли, ага.

– Значит, эти ребята уже не первый раз кого-то убивают.

– Вряд ли.

– Но вы же только что сказали...

– Пистолет – тот же самый. Но это еще не значит, что из него стреляли те же самые люди. В общем, у Фреда Кейтена, ну, того, в котором вы опознали стрелявшего, на время первого убийства железобетонное алиби. Он отбывал срок. Поэтому не мог его совершить.

– Когда?

– Что – когда?

– Когда произошло первое убийство?

– Четыре месяца назад.

В кабинете точно повеяло леденящим холодом. Дальше Кирс мог не продолжать. Майя уже сама все поняла. И Кирс понял, что она поняла. Взглянуть ей в глаза у него мужества не хватило. Он отвел взгляд и, кивнув, сказал:

– Ваш муж и ваша сестра были застрелены из одного и того же пистолета.

– Вам нехорошо? – забеспокоился Кирс.

– Все в порядке.

– Я понимаю, это тяжело.

– Не надо относиться ко мне покровительственно, детектив.

– Простите. Вы правы. Давайте начнем с самого начала, ладно?

Майя кивнула. Она смотрела прямо перед собой.

– Теперь мы вынуждены взглянуть на это дело в совершенно новом свете. Раньше два эти убийства казались случайностями, никак не связанными друг с другом, но теперь, когда мы узнали, что оба были убиты из одного пистолета...

Майя ничего не ответила.

– Когда застрелили вашу сестру, вы находились на Ближнем Востоке. Так?

– В Кэмп-Арифджане, – уточнила она. – Это в Кувейте.

– Я в курсе.

– Что?

– Мы проверили. Чтобы точно убедиться.

– А-а... – Майя почти улыбалась. – Чтобы точно убедиться, что это не я каким-то образом быстренько слетала домой, застрелила сестру, после чего вернулась в Кувейт, а потом подождала еще четыре месяца и прикончила собственного мужа?

Кирс ничего не ответил. В этом не было необходимости.

– Все подтверждается. У вас железобетонное алиби.

– Супер! – процедила она.

Майя вновь вернулась в тот день, когда ей позвонил Джо. Слезы. Шок. Этот звонок. Этот проклятый звонок, который положил конец прежней жизни Майи. После этого звонка все бесповоротно изменилось. Поразительно, если задуматься. Ты едешь на другой конец света в какую-то адскую дыру, чтобы сражаться с врагом. Казалось бы, опасность исходит именно оттуда, реальную угрозу для тебя представляет вооруженный до зубов неприятель. И если твоя жизнь оборвется, причиной этому станет выпущенный из гранатомета снаряд, или самодельное взрывное устройство, или, на худой конец, фанатик с автоматом Калашникова.

Но нет. Враг, как это часто случается, нанес удар там, где меньше всего можно было ожидать: дома, в старых добрых Штатах.

– Майя?

– Я слушаю.

– Следователи, ведущие дело вашей сестры, считают, что убийцы вломились к ней в дом против ее воли. Ее... Вы в курсе подробностей?

– Более чем.

– Простите.

– Я же просила вас не относиться ко мне покровительственно.

– Я и не отношусь. Просто веду себя как живой человек. То, что с ней сделали...

Майя снова взялась за телефон. Ей хотелось увидеть лицо дочери. Это был якорь, в котором она сейчас отчаянно нуждалась. Нет, остановила она себя. Не сейчас. Не вмешивай в это Лили. Даже таким невинным способом.

– В ходе расследования полицейские, кроме всего прочего, хорошенько пригляделись к

мужу Клер, вашему зятю... – Детектив принялся рыться в своих бумагах.

– Эдди.

– Точно, к Эдуарду Уокеру.

– Он не стал бы этого делать. Он любил ее.

– Да, они сняли с него подозрения, – сказал Кирс. – Но теперь нам необходимо узнать побольше об их семейной жизни. Теперь на все придется смотреть в новом свете.

Пазл в голове у Майи сложился. Она улыбнулась, но в этой улыбке не было ни теплоты, ни веселья.

– И давно вы это, детектив?

– Прошу прощения? – Он даже не поднял головы.

– Давно вы получили результаты баллистической экспертизы?

Кирс не ответил, продолжая читать досье.

– Вы ведь не сейчас об этом узнали? О том, что Джо и Клер убили из одного пистолета?

– Почему вы так говорите?

– Когда вы приехали ко мне домой взглянуть на мой «смит-вессон», я полагаю, вы это сделали ради того, чтобы убедиться, что он не был орудием убийства. Что и в том и в другом случае пули были выпущены не из него.

– Это ничего не значит.

– Да, но вы сказали, что больше меня не подозреваете. Припоминаете?

Он ничего не ответил.

– Потому что вы уже выяснили – у меня безупречное алиби. Вы знали, что мою сестру застрелили из того же пистолета. И когда Клер убили, меня не было в стране. Тогда вы еще не задержали эту парочку в лыжных масках. Я могла все про них выдумать. Но после того как вы получили результаты баллистической экспертизы, вам оставалось лишь еще раз перепроверить, действительно ли я находилась в тот момент в командировке. И вы это сделали. Я знаю армейские порядки. Одним звонком этот вопрос не решается. Так давно вы получили результаты баллистической экспертизы?

– Сразу после похорон, – ответил он тихо.

– Так. А когда вы задержали Эмилио Родриго и Фреда Кейтена и получили подтверждение, что я действительно находилась в Кувейте?

– Вчера поздно вечером.

Майя кивнула: она так и думала.

– Бросьте, Майя, не будьте наивной. Как я уже сказал, после убийства вашей сестры мы тщательно проверяли вашего зятя. Это равноправие в действии. Сами посудите. Вы – супруга. В парке, кроме вас, никого не было. На моем месте кого бы вы заподозрили в первую очередь?

– В особенности, – добавила Майя ядовито, – если эта самая супруга служила в армии и вдобавок, с вашей точки зрения, чокнутая любительница оружия?

Кирс не стал отпираться. С другой стороны, а зачем ему отпираться? Он прав. Супруг всегда первый подозреваемый.

– Ладно, раз уж мы прояснили этот вопрос, – произнесла Майя, – что будем делать теперь?

– Будем искать связи между вашей сестрой и вашим мужем, – ответил Кирс.

– И самая главная из этих связей – я.

– Да. Но далеко не единственная.

– Они работали вместе, – кивнула Майя.

– Вот именно. Джо взял вашу сестру на работу в свою инвестиционную компанию.

Почему?

– Потому что Клер была умница. – Даже просто произнесенное вслух, имя сестры отозвалось болью. – И потому что Джо знал, что она трудяга, каких поискать, никогда не подведет и ей можно доверять.

– А еще потому, что она родственница?

Майя немного подумала.

– Да, но смысл был не в том, чтобы пристроить родственницу на теплое местечко.

– А в чем же?

– Беркетты очень трепетно относятся к своей семье. Они – настоящий старомодный клан.

– Они не доверяют людям со стороны?

– Они не хотят доверять людям со стороны.

– Я, конечно, все понимаю, – сказал Кирс, – но если бы мне пришлось каждый день работать бок о бок с сестрой жены... брр! Вы понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю.

– Хотя, конечно, моя свояченица святого из себя выведет. Ваша сестра наверняка... – Он осекся, потом кашлянул. – Значит, в процессе работы у Джо с Клер не возникало никаких трений?

– Я боялась, что они могут возникнуть, – призналась Майя. – У моего дяди был свой бизнес, очень успешный. Но потом другие родственники тоже захотели в нем поучаствовать, и все развалилось к чертям. Нельзя смешивать семью и бизнес. Кто-то всегда останется недоволен.

– Но тут такого не произошло?

– Все вышло с точностью до наоборот. Их отношения вышли совершенно на новый уровень. Они постоянно говорили о делах. Клер звонила ему, если ей приходила в голову какая-нибудь интересная идея. Джо вспоминал о чем-то, что нужно было сделать на следующий день, и писал ей эсэмэски. – Майя пожала плечами. – Хотя, с другой стороны...

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Туше – термин из фехтования.

Вторая поправка к Конституции США гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гейзель) (1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор, классик американской детской литературы.

Монтессори-педагогика – система воспитания, предложенная в первой половине XX века итальянским педагогом Марией Монтессори (1870–1952).